

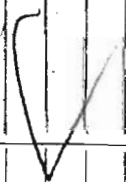
895 K
M22

Н. Мамасв

Оформление
Виктора ПАНИШЕВА

168

84PG K
M22

НИКОЛАЙ МАМАЕВ

НЕОКОНЧЕННАЯ
ДИССЕРТАЦИЯ

Кемерово
Издательство
«Сибирский Родник»
1995 г.

60086 (A)

МАМАЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в деревне Луга Шушенского района (Красноярский край). Окончил юридический факультет Красноярского государственного института. Работает прокурором города Топки.

Рассказы и очерки публиковались в периодических изданиях и коллективных сборниках.

ББК 843р7

М—37

г. Л.-Кузнецкий
Центральн. объединен.
Городская библиотека
им. Крупской

М 4702010207—1 —95, без объявл.
ЛР № 030182

ISBN 5—8434—0047—6

Издательство «Сибирский Родник»

— Человек — двуногое без перьев, — сказал Платон.

— Вот человек, — сказал Диоген, показывая ощипанного петуха.

— А разум? — спохватился Платон.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Какое бешенное счастье, хрипя воронкой горловой, под улюлюканье промчаться с оторванной головой! — орал на перроне лохматый парень с гитарой.

— Кукарехнулся, — сказала тетка, торговавшая здесь домашними пирожками с капустой, обнаружив знание поэзии Андрея Вознесенского.

— Почему? — спросил лохматый парень.

— Рупь кучка, — ответила тетка.

— А совесть? Ха, ха, ха!

И парень снова ударил по струнам:

— Но по ночам их к мщенью требует с асфальтов, жилисто-живая, как петушинный орден с гребнем, оторванная голова!

...Двое, Муж и Жена, отправились за грибами на электричке. Она быстро скользила мимо желтых ершистых полей, мимо разноцветных перелесков.

Внешне муж был так себе. Все в нем было среднее — и рост, и черты лица. Жена была привлекательна. Впрочем, красота ее не бросалась в глаза. В таких женщин нужно вematриваться, но, разглядев, их уже не забудешь.

Оба были молоды, считали, что у них все впереди. Полу-пустой вагон электрички стал ареной очередного конфликта между Мужем и Женой.

Конфликт этот был, можно сказать, международным,

так как мужчина и женщина — это представители народов, различия меж которыми существенней, чем различия национальные.

Она смотрела в окно и злилась на мужа, который сосредоточенно размышлял, забыв о жене.

Под размеренное потряхивание и дребезжание общественного транспорта он размышлял о человеческом я.

«Что это такое — человеческое я? Некое количество качественно различных по своему назначению элементов, соединенных в целостном человеческом организме.

Если мне отрубить ногу, — этакая зверская мысль пришла ему в голову — то моя нога станет не моей. Если поочередно отделить мою вторую ногу, затем руки, — с ними станет то же самое. Они утратят свойство быть количественными составными моего я-качества. Отделив голову от туловища, я уничтожу свое я окончательно.

А если дать возможность действовать моему мозгу, только мозгу, будет ли это моим я? Нет, не будет! Поскольку не будет действенного, именно действенного, минимально необходимого я-качества.

Человеческое я не может самовыражаться при помощи одного лишь мозга. Этого отдельного элемента, входящего в совокупность элементов человеческого я. Отделенную от туловища голову — можно искусственно заставить существовать и думать, но она не будет выражением человеческого я. Только в действии и только через действие человеческое я самовыражается. Недействующая мысль несущественна.

Можно представить себе все человечество обезглавленным и отделенные от туловища головы — думающими, но нельзя в этом случае представить жизнь человеческого общества на Земле, поскольку там, где нет действия, нет жизни. Недейственный носитель мысли есть способ консервации разума. Возможно, в определенный период эволюции материи и разума это будет необходимо, но только как временное состояние».

Он потерся лбом о ее плечо. Она нервно дернулась, демонстрируя свое нежелание заключать мир. Углубленный в раздумья, он не заметил этого.

Природа манила путников выйти из вагона. Она дарила глазу то живописный березовый колок, то серебро перекатов лесной речки.

Наконец, Жена не выдержала долгого молчания:

— Между прочим, мы куда едем?» — холодно поинтересовалась она.

— Ах, да! Бежим, бежим! — он схватил рюкзак, и рванулся к выходу, идущей полным ходом электрички. — В поля, в леса! В пампасы — на свободу.

Ей вдруг стало хорошо от того, что он у нее такой несурьезный, смешной губошлеп.

Они вышли на маленькой станции. Бревенчатый домик, ее, нагретый лучами все еще теплого солнца, источал застарелый смолистый дух. Кругом ни души. Безлюдье и покой. Она подошла к углу домика, отковырнула на срезе бревна янтарную каплю смолы, положила на язык и стала сосать, как конфетку, причмокивая. Он поморщился.

— Бестолочь, ничего не смыслишь, — сказала она. — Это выжатая мощью жизни сила земная, которой тебе как раз недостает.

Он обиделся и пошел в лес. Она догнала его и прыгнула ему на спину. От неожиданности он упал. Они вместе кубарем скатились в мелкую лощинку. В лощинке было тепло. Запах прелых листьев дурманил голову. Слышалось жужжание какого-то насекомого. Она опрокинулась на спину, забросав руки, закрыла глаза. Полураскрытые губы ее ждали поцелуя, и он поцеловал жену. В нем возникла неодолимая жажда близости.

— Ты чего? — прошептала она, — кругом же люди.

Он испуганно оглянулся. Желанье пропало. Он поднялся и протянул ей руку. Вскочив без его помощи, она сказала:

— Дурак.

Он недоумленно пожал плечами.

— Ни одно дело не можешь довести до конца, — пояснила она ему.

Он брел по лесу обиженный. Грибов не видел. Снова думал о человеческом я. Теперь с точки зрения эволюции. «Материя эволюционирует, в том числе — человеческое тело. Эволюционирует ли наше сознание? Несомненно. Сознание раба отличается от сознания человека социалистического общества. Но эта эволюция сознания в социальном смысле. А в материальном? Наше сознание — это продукт материи.

Каким образом изменяется сознание как продукт материального мира? Вот в чем важно разобраться.

Наверное, и человеческий мозг имеет границы информационного усвоения, пусть сколько угодно далекие. Ведь мозг — это объект материального мира и, значит, — он конечен, имеет свои качественные и количественные границы. А если мы достигнем этих границ? Что произойдет тогда? Видимо, в этот момент начнется эволюция сознания в материальном смысле. Наше сознание станет иным. Каким — не знаю. Видимо, коренным образом изменится материальный носитель сознания: мозг и тело человека. Это световой барьер сознания, и мы его преодолеем.

Что будет там — неведомо, но следует полагать, что и за этим барьером эволюция сознания будет продолжаться — так же, как за световым барьером скорости, — эволюция материи. Неизвестно только, в каком направлении и в какой форме».

За высокой гладкоствольной сосной он увидел жену. Она, собирая грибы, шла стороной ему навстречу. Он сделал шаг вперед. Их развело дерево. «Ствол дерева — тоже своеобразный световой барьер», — подумал он. Они разминулись, так и не увидев друг друга.

Его осенило:

«Возможно, и теперь где-то с нами рядом, но по ту сторону светового барьера сознания есть мыслящие формы материи, которые эволюционируют нам навстречу. Или же мы разминулись в своем развитии, — поскольку движемся с разными скоростями и на разном расстоянии от светового барьера сознания».

Он не заметил, как потерял жену. Крикнул раз, другой. Она не отозвалась. Он огляделся. Лес, еще недавно такой светлый и веселый, сейчас показался ему угрюмым и враждебным. Ветер глухо шумел вершинами деревьев. Солнце скрылось за лиловой тучей, и туча эта, все тяжелея и багровея, грозила ударить молнией в его маленькую беззащитную жену. Он бросился назад, потом в сторону. Ударился лбом о гладкий ствол березы; ошалело посмотрев на дерево, двинулся дальше. Он задышался; падая, содрал кожу на ладонях. Выбившись из сил, понял, что заблудился.

В изнеможении свалился на землю и пролежал в забытьи некоторое время. Потом снова поднялся и пошел, не выбирая дороги.

Неожиданно он вышел на поляну, светлую от окружающих ее берез. Посреди поляны стояла старая разлапистая сосна. За многие годы она толстым уругим ковром рыжих иголок укрыла землю далеко вокруг. На этом ковре, поджав под себя ноги, сидела одинокая, заплаканная его маленькая жена. Он подошел к ней. Сел рядом. Обнял, защищая от бед всего мира. Взял в свои кровоточащие ладони ее мокрое от слез лицо, стал целовать ее глаза, нос и мягкие губы.

Возвратившись к станции, они ждали электричку. Молчали. Она сидела на прогретой солнцем земле, перебирала грибы. Он, привалившись спиной к теплым бревнам станционного здания, смотрел, как лес теряет листья. Разноцветные, они, сорвавшись, кружили в воздухе; иногда какой-нибудь зацепившись за прозрачную паутину, повисал и тогда трепетал беспомощно и долго.

В город не было желания возвращаться. Ему хотелось раствориться в этом светлом мире. Он был счастлив и, может быть, в последний раз.

...Потом, окунувшись в толчею вечерних улиц, автобусную давку, они почувствовали, что нырнули в свою всегдашнюю оболочку. Снова стали маленькими, донельзя занятыми людьми большого города. Превратились из простого Мужа и просто Жены, которыми их сделала природа, в аспиранта кафедры философии местного университета. Огородникова Вячеслава Михайловича и его жену Таню — учительницу средней школы.

Огородников был крепко стиснут потными телами пассажиров. Он не мог повернуть голову, но затылком почувствовал знакомого. На очередной остановке восходящим потоком пассажиров Огородникова протасило ближе к передней двери, разведив с женой. Мимо него к выходу пронесло Колю Тютерева — университетского друга. Коля увидел Огородникова и отвернулся.

«Боже ты мой! Чужие люди. Холодные глаза», — поразился Огородников. Сердце его крепче стиснула тоска.

Их было трое друзей. Он, Тютерев и Лапин. На пятом курсе союз их развалился по вине Лапина, хотя трещина

в их отношениях образовалась раньше. Серьезного повода для разрыва, казалось, не было. Все как будто мелочи. Однажды Лапин перехватил книгу, купленную кем-то для Тютерева, заявив шутливо, что ему она нужнее. Опять же шутя отбил у Коли девушку, к которой у того были серьезные чувства.

Впрочем, у Тютерева все было серьезным. В стройотряде, после четвертого курса, Лапин изменил им обоим. Неудачно подобранный командир развалил отряд. Многие, и они в том числе, решили уехать. Лапин же, больше всех агитировавший за отъезд, нашел колымную работу и сколотил свою бригаду. Без них. Он испугался за свой авторитет бригадира, испугался, что друзья не станут ему подчиняться. Они так тогда решили.

К началу учебного года Огородников почти забыл эту историю. Тютеров же не простил Лапина. Он отошел от обоих, видя, что Огородников помирился с Лапиным. Закончив университет, они разъехались. Лапин писал Огородникову, изредка навещал Тютеров — никогда, хотя Огородникову хотелось встретиться с ним. И вот они встретились. Встретились, чтобы тут же разойтись.

«Чужие люди! Надо же», — еще раз подумал Огородников.

Студенческое общежитие, девятиэтажка, жила полнокровной жизнью конца выходного дня. Из окон гремели проигрыватели и магнитофоны, хлопали двери, стучали каблучки, звенели гитары.

На первом этаже, в семейных комнатах преподавателей, была относительная тишина. В одной из таких комнат жили Огородниковы. Возвратившись из леса, они окунулись в свой привычный быт. Огородников устало сидел на кровати, откинувшись к стене, положив ноги на табурет. Таня варила грибной суп. Каждый думал о своем, но каждый знал, о чем думает другой. Огромный букет осенних листьев стоял на столе. Огородников смотрел на букет и думал о том, что сегодня у него день рождения, что ему уже на четвертый десяток, а ничего, в сущности, хорошего не сделано. Плохого тоже. Правда, это утверждение не бесспорно. Жена вот несчастна из-за неустроенности быта. Он несчастен из-за ее несчастья и поэтому одинок.

Еще он думал, что работа над диссертацией слабо продвигается. Все мешают какие-то мелочи житейские, служебные. Да и сама эта диссертация кажется ему порой обузой, — никому, в том числе и ему, не нужной.

«Чего ради я отказался от нормальной жизни нормально-го человека, ради сомнительных, никому, кроме меня, не нужных идей? Впрочем, мои идеи ничем не хуже других. Да и смог бы я жить по-другому? Хуже бы — смог. Лучше — нет. Ума бы не хватило».

Букет осенних листьев волновал Таню. Она любила в себе это состояние души — ожидание праздничных перемен. Старалась удержать его подольше. Не хотела холода и пустоты. Сейчас в ней все жило трепетным ожиданием. Ей казалось, что вот сейчас распахнется дверь и придет некто большой и сильный. Он унесет ее в далекую, интересную и прекрасную жизнь. Этот некто мог быть и ее муж и кто-то другой. Муж все равно остался бы с ней. Как это могло сочетаться, она не думала. Кто может запретить праздник в душе? Да никто! Тем более, что у ее мужа сегодня день рождения. Гостей не звали. Но Таня все чего-то ждала. Букет осенних листьев дарил надежду. Когда ужин был готов, в дверь постучали. Таня удивленно и радостно, (это отметил для себя Огородников), воскликнула: «Лапин!» Лапин галантно приложился к руке хозяйки. Крепко обнял Огородникова.

Вместе с гостем в маленькую комнату вошел праздник. Лапин возмужал. Темные брови его стали еще темнее, синие глаза еще синей, а волнистые русые волосы еще волнистей.

— Праздничный мужчина — подарок женщине, — оглядев друга, сказал Огородников.

Лапин, моментально оценив обстановку, настроение Огородникова, сказал:

— Я вижу: настало время бросать животворные дрожжи в Ваши пресные взаимоотношения и взбивать сдобное тесто хорошего настроения. Если я не забыл, то сегодня чей-то день рождения.

Он поставил на стол бутылку коньяка и выложил двухтомник древнекитайской философии. Огородников благодарно взглянул на друга. Он был рад книгам. Лапин довольно улыбнулся.

Осмотрев нехитрую обстановку комнаты Огородниковых

он отметил появление новых книг. Похвалил за приобретение больших альбомов Пластова и Кустодиева, Мыльников и Глазунова, двухтомника «Эстетика Ренессанса» и «Начало раннего Возрождения» Лазарева.

— Молодцы ребята. Хорошие книги, — сказал он, — но если убрать стеллаж с книгами и холодильник, то вполне можно поставить детскую кроватку. Как считаешь, Татьяна?

— Без холодильника умрем с голоду — я и ребенок, а без книг — Огородников, — ответила она.

Татьяна накрыла стол, пригласила мужчин.

— За встречу! — сказал Лапин. — И за тебя. Он звякнул своей стопкой о стопку Огородникова.

Все выпили, поели. Снова выпили и снова поели. Наконец, Лапин отвалился на спинку стула.

— Ну, а теперь жалуйтесь: чего вам не хватает?! Чем могу, тем помогу. Нужны деньги? Дам денег. Нужны идеи? Предлагаю свои. Бесплатно. Все равно они никому не нужны.

— Да нет, у нас все в порядке, — сказал Огородников.

— За исключением того, что он не может защититься, того, что ютимся мы в этой келье, того, что я не имею возможности родить себе ребенка, — добавила Татьяна.

— Да, за исключением этого все нормально.

— Выходит твои идеи тоже не имеют спроса? — спросил Лапин.

— Выходит, подтвердил Огородников.

— Да он просто недотепа. Постоять за себя не может, — сказала Татьяна.

— Глупо отстаивать очевидное. Его нужно принимать.

— Что я слышу, Вячеслав Михайлович! Помнится, ты проповедовал иное. Прежде у тебя добро обязано было защищаться.

— Я и теперь этого не отрицаю. Но сейчас я стал умнее. Сейчас я понял, что сколько бы добро ни сражалось со злом...

— Ну, — перебил его Лапин, — тоже мне открытие.

— Сколько бы добро ни боролось со злом, — продолжал Огородников, — ему не уничтожить зло до конца. Хотя самая малость, невооруженным глазом не различимая его часть должна быть в мире человеческих взаимоотношений. В противном случае придется отказаться от одного из основных законов философии — закона единства и борьбы противоположностей, который предполагает единство добра и зла. А

поскольку присутствие зла в этом мире обосновано, то добро может приобретать прямо противоположные свойства, может переходить во зло и наоборот; зло при определенных условиях может стать добром. Этого требует другой основной закон философии — перехода количества в качество. Здесь все зависит от меры: Трудно, знаешь ли порой невозможно, защищая добро, размахивая при этом кулаками, не причинить зло, не стукнуть кого-то, возможно, невинного, и не разбить в кровь чью-нибудь физиономию. Надо очень хорошо знать, зачем творишь добро, чтобы не стать палачом.

— Спиши слова, — попросил Лапин, — Я скоро буду расставаться с очередной жертвой своей красоты, так чтобы она не слишком убивалась, я ей теоретически обосную наш разрыв.

— А впрочем, — продолжал Огородников, не принимая шутливого тона друга, — добро и зло — это всего лишь слова, вскрывающие определенные человеческие взаимоотношения. Природа не знает ни добра, ни зла.

— Слушай, Славка, а ведь Татьяна уйдет от тебя.

— Куда?

— К какому-нибудь нормальному мужику, который будет держать ее в руках. А если это так, то пусть уйдет кя мне.

— А я не пойду к тебе, Лапин.

— Это отчего же? Выбирают всегда мужчины.

— Ошибаешься, выбирают всегда лучшие, а я лучше тебя.

— Лучший среди нас Славка, только вот выбирать ему почему-то не приходится.

— Ну, мужики, вздрогнем еще по одной, как говаривал Коля Тютюрев, — сказал Огородников.

— Давай поддержим его, Лапин.

Лапин ткнул пальцем в потолок.

— Выпьем за прогрессивное советское студенчество! Изумительная все же пора нашей жизни. Изумительная и неповторимая пора! Вот накоплю денег, закажу памятник студентам. Это будет групповой портрет юных в форме стройотрядовцев. Двое, парень и девушка, обнявшись за плечи стоят. Рядом с ними, на горке рюкзаков, сидит третий с гитарой и поет. Смотрят они в даль. Лица их счастливые и одухотворенные. Прекрасно, по-моему! Поставлю я этот памятник перед главным входом университета. Каково?

— Ты выпей, — напомнил ему Огородников, не разделяя восторженности друга.

— Лапин, ты же говорил, что деньги у тебя есть и даже нам предлагал, — напомнила Татьяна, — когда же ты говорил правду: тогда или сейчас?

— Тогда, Татьяна, тогда. Верь мне, — ответил Лапин. Он опрокинул стопку и склонился над закуской.

— Рассуди-ка нас, любитель прекрасного, — обратился к Лапину Огородников, — Татьяна считает, что искусство должно сдирать с человека личину добродетели и на отрицательных примерах воспитывать человека будущего, поскольку положительное в искусстве зовет к самоупокоению.

— А он возражает, — сказала Татьяна.

— Конечно, — прервал Огородников жену, — искусство ломает всякие рамки, любые ограничения. Разумеется, говоря так, я не имею в виду крайние его формы, уродливые проявления массовой культуры. Я говорю о настоящем искусстве.

— Татьяна в чем-то права, — сказал Лапин, — но не во всем.

— Спасибо, — иронически поблагодарила Татьяна.

— Искусство противоречиво, — улыбнулся хозяйке Лапин, — противоречиво как и сам человек. Мир искусства является ни чем иным, как отражением мира человека. Причем изображение этого мира должно быть преувеличенным, иначе он будет не интересен человеку. Произведения искусства гиперболичны. Они преувеличивают либо красоту человека, либо его уродство. Иначе нельзя. Иначе люди не увидят ни красоту, ни уродство. Но в одном Татьяна права. Просто положительные примеры в искусстве ведут к самоупокоению. Однако судьба человека хорошего или плохого, маленького или великого — трагична. Каждый человек трагичен потому, что неминуемо уйдет из жизни.

— Вовремя замечено, — похвалила Татьяна.

— А это не мои слова, — сказал Лапин.

— Надо думать. Так Честертон сказал о Диккенсе.

— Правильно, Татьяна. Но если в произведении искусства присутствует элемент трагичного, — продолжал Лапин, — то об успокоении не может идти и речи. К примеру, в живописи. Взять полотно Дейнеки «Мать».

— Интересно, интересно, — Огородников попытался встать из-за стола, но, опасаясь из-за тесноты опрокинуть его вместе с посудой, оставил свои потуги. — Интересно, что ты скажешь об этой картине.

— Сначала я скажу, — вмешалась хозяйка, — вас не переслушать. У «Матери» Дейнеки не лицо, а гипсовая маска. Не женщина с ребенком, а труп молодой женщины.

— Молодчина, Татьяна! Дай я тебя поцелую, — поддержал ее Лапин, — не лицо, а гипсовая маска. Точно. Причем Дейнека достиг этого эффекта с помощью солнечного луча, освещающего лицо этой женщины. И более того, у ее ребенка — та же маска. Маска — рожденных солнцем и обреченных на смерть с момента своего рождения.

— В этой картине выражена еще одна мысль автора, — добавил Огородников, — извечный страх женщины-матери за своего ребенка перед могучей разрушительной силой природы и злом человека.

— Как хотите, — сказала Татьяна, — но восхищаться люди будут всегда соразмерными скульптурами Родена, а не бабами-тумбами Дейнеки.

— Однако какие мы непримиримые и противоречивые, — ответил ей Лапин. — Во-первых, ты противоречишь себе. Скульптуры Родена из области положительных примеров, а ты еще недавно была против положительного в искусстве.

— Да, вот такая я противоречивая, — ответила Татьяна.

Помолчали, обдумывая разговор. Лапин поднялся, собираясь покинуть жилище Огородниковых.

— Засиделся я у вас, ребята. Надо двигать.

— Я тебя провожу, — сказал ему Огородников.

На улице Лапин спросил у друга:

— Хандришь чего-то, а?

— Да нет, в все в порядке. Тебе показалось.

— Ну гляди, не кисни.

Полупустой автобус увез друга. Огородников остался один. Небо над головой сверкало холодом звезд. Город светился холодом рекламных огней. Ветер, помогая дворникам, сметал с опустевших тротуаров опавшие листья. Мир был полон забот, тревог, отчаяния и ожидания. Как жить в этом огромном холодном мире маленькому, живому, очень уязвимому человеку?

ГЛАВА 2.

«Факел» — строительный отряд Государственного университета, работал в одном из северных поселков огромного сибирского края. Командир отряда заключил договор с местным строительным управлением на строительство многоквартирных домов. И он не ошибся, как это часто бывает с плохими командирами, в своих расчетах. Среди студентов не нашлось специалистов по возведению деревянных срубов. Чтобы хоть сколько-нибудь заработать, они брались за все, что можно было сделать быстро и малыми силами. Из всех работ самыми трудными были бетонные.

Тяжеленные носилки, наполненные до краев бетоном, сдирали до крови кожу на ладонях. Трескалась кожа на пятках, в трещины набивалась цементная пыль. Ступни ног опухали и гноились. Работали по тринадцать—четырнадцать часов. Северное незаходящее солнце беспощадно обжигало парней. Они загорели и выцвели. Сапоги порвались, рубахи просолились. Закончился жаркий июль, начался август. Каждое утро парни с тревогой смотрели в голубую высь, ожидая затяжных августовских дождей.

К концу августа они должны были закончить объекты и сдать приемной комиссии хотя бы с оценкой «хорошо», иначе они теряли в заработке, который и без того ожидался не очень высоким.

Начало августа было жарким. Но подул северный ветер и пригнал косяки лохматых туч. Они траурными стягами развевались по небу, извещая о приближении северной осени. Тучи пролили на землю потоки холодной воды. Ветер исхлестал тугими струями дождя землю до черноты, отмыл до сверкающей белизны белые камни скалистых таежных склонов, осветил темную просинь сосен и багульника.

По случаю ненастья работу приостановили. Бойцы отсиживались в общежитии, читали книги, писали домой письма, пели под гитару. Общежитие — недостроенный деревянный двухэтажный дом — было ненадежным убежищем от дождя и холода, но другого не было. Местное начальство решило, что студенты обойдутся и этим.

Рядом с общежитием студенты возвели дощатое сооружение под столовую и кухню. Здесь они любили после ужина

посидеть все вместе, покурить, поговорить. Сейчас, в ненастье, в столовой тоже были ребята: светловолосый, голубоглазый, невысокого роста Ваня Смирнов и его друг Шурик Усольцев. Шурик был из тех представителей сильного пола, которые, достигнув совершеннолетия, до самой старости остаются в одной поре, став однажды и сразу матерыми мужчинами. Они всегда нравятся женщинам, но редко испытывают сами сильную привязанность к какой-нибудь одной. Ваня был старше Шурика, но разница в их годах не ощущалась из-за скромности Вани и многоопытности Шурика.

На кухне в печке, потрескивая, гудел огонь. От неярких сполохов, играющих на стенах кухни и столовой, было уютно. Девушки-поварихи Нина и Наташа варили ужин. Шурик шел, подыгрывая себе на гитаре:

— Скоро осень, за окнами август, от дождя потемнели кусты. И я знаю, что я тебе нравлюсь, как когда-то мне нравилась ты.

«Хорошо, — думал Ваня. — замечательно до чего хорошо!».

Он смотрел на струйки дождя, сбегавшие с крыши столовой, на сумрачный мир. Ему было грустно, очень грустно. Хотелось даже немного плакать. И тем не менее, он был счастлив счастьем молодого здорового человека, получившего отдых после трудной работы. Ему было хорошо рядом с теплой печкой, рядом с другом, красиво поющим под гитару, рядом с девушками, не очень красивыми, но милыми поварихами, которые хлопочут на кухне, собираясь кормить их. В столовую, прикрываясь от дождя газетой, прибежал командир отряда Васька Сорокин. Командир должен был снять пробу с ужина. Увидев празднично сидящих бойцов, распорядился:

— Хватит бездельничать. Идите топоры точить.

— Есть, — Шурик вскочил со скамейки, приложил гитару к правому виску, отдавая командиру честь и строевым шагом отправился в общежитие, шлепая по лужам. Ваня печально вздохнул: этот идиот Васька нарушил его душевное равновесие. Теперь ничего не оставалось другого, как отправиться в холодное сырое общежитие. Ему же очень не хотелось уходить от теплой печки. В общежитии Ваня надел теплые носки, связанные мамой, импортные кроссовки — свою гордость и принялся писать письмо домой.

Дождь лил еще двое суток. Потом ветер разогнал тучи, выглянуло солнце, обогрело землю. Соскучившиеся по работе бойцы ринулись в атаку.

...— Мужики, перекур! — объявил Шурик Усольцев. Он устало привалился спиной к деревянной опалубке фундамента, блаженно шевеля грязными пальцами ног, выглядывающими из порванных кирзовых сапог.

— Ну что, дня через три четыре закончим на этом? — сказал Мишка Гонтарь.

— Хорошо бы вместе со второй бригадой начать последний фундамент, — поддержал его Валера Сагалаков.

— Хорошо бы, конечно, да только те салажата не успеют — усомнился Шурик Усольцев.

— Должны успеть, иначе не сможем все три закончить, — сказал Ваня Смирнов и тут же сердито добавил. — Вон и командир на лихом коне.

Васька мчался на подножке грузовика, открыв дверь кабины, придерживая ее.

— И лихой же парень наш командир! Ему бы ума побольше, ценг бы не было, — усмехнулся Валера Сагалаков. — А ведь отдыху нашему конец. Он цемент везет.

На ходу прыгнув с подножки автомашины, Васька распорядился выгружать мешки с цементом. Сам же отправился проверять качество бетонных работ. Парни, закрыв головы, кто чем, таскали мешки во временный сарайчик, построенный ими специально для хранения стройматериалов. Цементная пыль забивала рот и нос, набивалась в сапоги и волосы. Спасенья от нее не было. Солнце опять припекало. Жаркий пот застилал глаза, стекал по спине, смешиваясь с едучей пылью. Мешкам, казалось, не будет конца. Не успели парни разгрузить машину, как командир объявил им о низком качестве работ.

— Плохо трамбуете, — сказал он, — темпы медленные.

Увидев, что бойцы собираются отдохнуть, он запретил делать это. Но его никто не слушал. Разгневанный командир умчался.

— Кто мне скажет, — спросил, усаживаясь поудобнее, Мишка Гонтарь, — Почему рабочий класс все же самый передовой класс современности?

— Ясно дело почему — основной производитель материальных ценностей, — ответил Шурик Усольцев.

— И терять ему опять же нечего: ни теплых мест тебе, ни прибыльных должностей, — добавил Ваня Смирнов.

— К тому же он соединен с самыми передовыми орудиями труда: бетономешалкой, лопатой и носилками. — сказал Валера Сагалаков.

Помолчали.

— И кто этого Ваську Сорокина назначил командиром? — снова поинтересовался Мишка Гонтарь.

— Начальство, кто же еще, — ответил Шурик Усольцев, подымаясь. — А ну, представители рабочего класса, кончай перекур, — скомандовал он, — пошли соединяться с передовыми орудиями труда.

Солнце коснулось кромки горизонта и медленно стало опускаться за край земли, окрасив легкие перистые облака в нежно-розовый цвет. На востоке затрепетала первая звездочка. Бойцы, сложив инструмент в сарайчик, остановив бетономешалки, собрались на отдых в общежитие. Объекты находились в конце поселка, за редким сосновым лесочком, густо заросшим черничником. Проходя по лесочку, парни срывали и с удовольствием ели сочную, душистую северную ягоду.

Во второй бригаде работали студенты младших курсов — так называемые «портфели». Название было что ни на есть самое дурацкое, но почемуто оказавшееся метким. «Портфели» в долгу не остались и прозвали своих старших коллег по носилкам — «быки». Это было смешно. И в то же время уважительно. Названия прижились. В информационных листках по социалистическому соревнованию, которые вывешивались в столовой, бригады так и обозначались.

С работы студенты возвращались, неизменно насвистывая мелодию марша «Прощание славянки». Грязные и уставшие, брели они по поселку. Но завидев улыбающихся им из кухни поварих, бодрились, остряли, шутливо толкались. А девушки за полдня соскучившиеся по голодному мужскому племени, с радостью кормили их бородатых и родных.

Нина и Наташа уже не первый год ездили поварихами. Зимой они с удовольствием вспоминали жаркие стройотрядовские дни и с нетерпением ждали прихода лета. Втайне они надеялись встретить там, в белой северной ночи свою любовь. Парни же видели в них больше сестер, чем невест. Когда Шурик Усольцев проводил после кино Наташу, она

порывисто распахнула свою душу ему навстречу. Она откровенно радовалась возможности любить и быть любимой.

После ужина командир задержал бойцов в столовой. Он говорил о низких темпах работы на фундаментах, требовал повысить качество. Качество действительно было неважным потому, что многие бойцы впервые поехали в стройотряд и не имели опыта. Однако отряд формировал командир и, собственно, он был виноват в том, что отряд наполовину был укомплектован новичками. Они, разумеется, были невиновны в своем неумении. Но главное — заказчик не очень добросовестно выполнял свои обязательства по договору. Строительные материалы поставлялись с перебоями. Обо всем этом сказал командиру Валера Сагалаков.

Заспорили. Часть бойцов поддержали командира, часть — Валеру Сагалакова. В самый разгар спора из столовой незаметно вышел Шурик Усольцев и вместе с Наташей пошел в конец поселка. Командир тоже вышел из столовой и долго смотрел из вслед. Потом он пошел в свою комнату. (В общежитии у него была отдельная комната).

Первые два фундамента были закончены и сданы приемной комиссией с оценкой «хорошо».

Двух-трехметровые бетонные громады высились над каменистыми неровностями почвы, точно палубы кораблей над волнующимся океанским простором. Бойцы сфотографировались у творения рук своих.

Командир известил всех, что на День строителя он объявит отдых и организует праздничный банкет.

Этот день, как, впрочем, и предыдущие, был солнечным. Тепло излучало и голубое высокое небо, и синяя близкая тайна. Теплыми были сияющие глаза бойцов. Сознание честно выполненной работы делало их уверенными в себе людьми. Праздничный стол ломился от всевозможных яств, приготовленных поварами, уставлен бутылками спирта, шампанского и лимонада. Отмывшись от соленого пота, пришедшие сидели за столом бойцы и слушали своего командира. Он говорил:

— Итак, товарищи бойцы! Не много дней осталось быть нам вместе. Скоро, очень скоро погаснет наш «Факел». Мы покинем этот поселок. Но будьте уверены: долго еще, а может быть, всегда будем помнить мы белые северные ночи.

налитые свинцовой тяжестью наши руки и крепкую мужскую дружбу. Как цемент, который превращает зыбкий песок в монолит бетона, так дружба нанга превратила наше мужское товарищество в прочный союз. Предлагаю выпить за этот союз — самое ценное, что увезем мы отсюда, из этого сурового края!

Вскоре за столом начался тот нестройный разговор полупьяных людей, когда говорят все и никто не слушает. Но, как всегда, в таких случаях находится один, который на мгновение завладевает вниманием всех, провозглашая тост за чье-то здоровье. Через мгновение оратора уже опять никто не слушает.

Вот с поднятым в руке стаканом шампанского вскочил на скамью маленький Мишка Гонтарь. Крикнул срывающимся голосом:

— Я предлагаю выпить за здоровье наших прекрасных женщин! За Нину и за Наташу! Ура, товарищи!

Его поддержали. Все кричали «ура» и пили. Однако звуки гитарных струн привлекли всеобщее внимание. Шурик Усольцев взял первые аккорды, потом запел:

— Я в весеннем лесу пил березовый сок, с ненаглядной певуней в стогу ночевал...

Все слушали красивую песню. Потом начали подпевать и, когда хор нестройных голосов совершенно испортил песню, Шурик ударил по струнам и перешел на плясовую.

Ваня Смирнов сидел за столом и смотрел на веселящихся бойцов. Он выпил немного шампанского. В его душе был покой и щемящая нежность к товарищам. Ему было так хорошо, как бывает иногда, в редкие минуты человеческого счастья у хороших людей. Он подумал о Валере Сагалакове. Ему нравился этот крепкий надежный парень. Здесь, в стройотряде, они как-то потянулись друг к другу. Ваня почувствовал чьи-то ладони на своих плечах.

«Валера Сагалаков», — подумал он тепло. Но это был Шурик Усольцев. Ване стало немного стыдно перед другом. Как будто в мыслях своих он изменил их дружбе. Потом Ваня почему-то без всякой связи подумал о командире, о Ваське Сорокине.

Тот, как будто угадав его мысли, подошел и присел рядом. Васька был основательно пьян. С трудом прикурил сигарету и, глядя на огонь спички, спросил у Вани:

— Что есть огонь?

— Плазма, — ответил Ваня.

— Ошибся. Это отражение состояния души моей.

— А по-моему, в перспективе — это носитель человеческого разума.

— Как это? — не понял командир.

— Поскольку сейчас носитель человеческого разума вода — наше тело состоит на восемьдесят процентов из жидкости — то почему бы в будущем носителем разума не быть огню? И то, и другое — плазма.

— Вот за это я тебя и люблю. Иван!

— ...Я знаю, — Васька погрозил кому-то пальцем, — она и некоторые другие не любят меня, но все они глубоко неправы, и вообще она пожалеет об этом, потому что Василий Андреевич Сорокин — это, это...

Васька не нашел подходящего для самого себя сравнения. Ване были неприятны душевные излияния командира, и он хотел уйти.

Васька уцепился за его руку:

— Я очень полезный человек, Ваня, очень. Пойдем ко мне поговорим.

Ваня согласился, решив, что командира надо уложить спать. Не следует ему шататься пьяным среди бойцов.

В комнате у Васьки сиротливо жалась к стене одинокая железная кровать, заправленная грубым шерстяным одеялом. Напротив в углу стояли стол и стул, рядом — какая-то большая картонная коробка.

— Огонь в душе моей. Ваня, уже давно стал носителем моего разума, — почти трезво изрек командир. Ваня посмотрел на него, подумав: уж не прикидывается ли он пьяным.

Они уселись на кровать, и Васька доверительно положил руку на плечи Вани.

— А она не видит этого. Почему?

— Да кто она-то? — спросил Ваня.

— Но я докажу ей, чего я стою. Она поймет и оценит — не сомневайся!

Нет, Васька все же был пьян. Гордил какую-то околесицу.

— Хочешь, я тебя сделаю человеком? Ты наивен, Ваня, если думаешь в стройотряде что-нибудь заработать руками.

Зарабатывают головой. Я сделаю из тебя человека, конечно, если ты захочешь этого. Вкалывать, как это делаете вы, чтобы заработать — наивность, граничащая с глупостью.

Ваня с интересом выслушивал жизненное кредо своего командира.

— Ты думаешь, мне легко здесь? Тяжело. Вам чужой. С начальством местным надо уметь ладить. Видишь коробку? В ней средство для достижения цели. Я с тобой хочу выпить. Принеси из коробки бутылочку этого средства.

Ваня подошел к коробке. Открыл крышку. Коробка была доверху заставлена бутылками со спиртом и шампанским. Это обстоятельство его сильно удивило. Валера Сагалаков, председатель ревизионной комиссии стройотряда говорил, что Васька все жаловался на нехватку свободных денег для приобретения продуктов питания.

«Надо будет об этом Валере Сагалакову сказать», — подумал Ваня.

Вернувшись с бутылкой к кровати командира, Ваня увидел, что тот спит. Поставив бутылку около кровати, Ваня отправился в столовую, где веселье шло полным ходом.

Бойцы, накопившие опыт при строительстве первых двух фундаментов, третий строили весьма скоро. Стройматериал наконец-то стали подвозить бесперебойно. До окончания работ на третьем фундаменте оставалось, примерно, неделя, когда у сапог Шурика Усольцева отвалились подметки. Он сидел на крылечке столовой и печально осматривал кирзовое творение рук человеческих. Ничего не придумав, он широким жестом пропившегося купца выбросил бывшие сапоги за столовую и босиком отправился в общежитие.

— На, держи, — Ваня Смирнов протянул ему свои импортные кроссовки и теплые мамины носки.

— Жалко небось?

— Тебя жалко.

И снова через черничный лесок — к объектам под мелодию марша «Прощание славянки». Ваня догнал Валеру Сагалакова.

— Слушай, будете проверять финансовую деятельность командира, смотри лучше, куда он деньги тратил. Я думаю, что Васька не одну сотню за наш счет пропил с начальником управления.

— Хорошо, Ваня. Посмотрим.

Северное солнце конца августа не так беспощадно, как в середине лета, жгло голые спины парней. Тяжелые носилки с бетоном казались уже не столь неподъемными. Парни веселее бегали с ними по шаткому настилу. Все с нетерпением ждали окончания работ. И вот настал этот миг.

— Все, — сказал Валера Сагалаков. Он и Мишка Гон-
тарь опрокинули последние носилки в ненасытную пасть опалубки. Валера разровнял бетон лопатой. Мишка стоял рядом, опираясь на ручку вертикально поставленных носилок, и грустно смотрел на подсыхающий бетон.

Мишка не знал: чего было больше в его душе—радости или грусти. Бойцы молча выстроились на деревянном настиле фундамента, как моряки на палубе боевого корабля, с которыми они прощались навсегда.

Они стояли на фундаменте, плечом к плечу, загоревшие до черноты, высокие и строгие. И был им фундамент бетонный вечным памятником мужского нерушимого товарищества.

Совсем поседел северный травяной покров. Выцвело недавно еще густо синее небо. Студенты прощались с севером. Но прежде, чем навсегда покинуть эти места, командир организовал для всех поездку в тайгу за брусникой. Бойцы разбрелись по тайге. На широкой поляне, усыпанной красной ягодой, сосредоточенно брала ее совком Нина. Рядом с нею сидела Наташа, изредка бросая в ведро твердые ягодки.

Нина сердито и осуждающе поглядывала на подругу. На краю этого красного покрывала лежали Шурик Усольцев и Ваня Смирнов.

Между ними стояла трехлитровая стеклянная банка, дно которой было чуть закрыто ягодой. Наташа, бросив в ведро еще несколько ягодок, встала и пошла в тайгу. Шурик отправился вслед за ней.

Полежав, некоторое время в одиночестве, Ваня подошел к Нине и присел с нею рядом. Нина продолжала молча брать ягоду. Потом спросила:

— Знаешь, что Наталья беременна?

— Да ну? — удивился Ваня.

— А Шурик знает?

Ваня только пожал плечами.

— Ну, друзья! Испортили девке жизнь и знать ничего не знают!

— Да я-то причем, — изумился Ваня. — В чем я-то виноват?

Нина сердито мочала. Через поляну прошел командир.

— Взрослые люди. Сами в своих отношениях разберутся, — глядя вслед командиру, сказал Ваня.

— Наталью высматривает, кивнула вслед командиру Нина. — Вот за кого ей надо замуж идти. Да уж теперь, видать, поздно, — помолчав, добавила она.

— За кого? — не сразу понял Ваня, — за Ваську?

— За него. Ты думаешь, зачем он четвертый год нас поварахами берет? — спросила Нина. — Из-за Наташки, любит он ее, а признаться боится. Мне говорил, а ей боится.

— Ну дела! — только и смог сказать Ваня.

В распадке, меж сопок, несла темные струи лесная река. На берегах ее шумела тайга, угрюмая, она не пускала солнце к воде. Холод и мрак темной воды пугал и отталкивал слабых духом людей.

Наташа стояла на берегу речки и смотрела в воду. В омуте она видела спины больших, непуганных хариусов. Они то неожиданно появлялись из мрака омута, то так же неожиданно исчезали в его темной глубине.

Подошел Шурик. Он обнял ее. Тесно прильнув к нему, Наташа молчала.

— Страшно? — спросил Шурик.

— Нет. Даже утопиться хочу.

— Не говори чепухи. Пойдем отсюда. Все собираются ехать.

По дороге к машине Наташа спросила:

— Юрий Федорович Усольцев — завкафедрой философии — твой отец?

— Да.

— Вы не вместе живете?

— Мы живем в разных квартирах. Но почему это тебя интересует?

— Да так. Разговоры разные слышу.

* * *

Последний фундамент был принят комиссией с оценкой «хорошо». Сдав постели, посуду, получив расчет, бойцы по-

кидали поселок «Северный». Они стояли на краю летного поля. Ждали самолет. Аэродром был расположен на плоском холме. Внизу хорошо просматривались улицы поселка. Вдали, за черничным леском, серели три бетонных фундамента.

Общежитие и дошатая столовая рядом с ним, без ребят, казались осиротевшими. Вот лохматый черный псс, пробежавший мимо столовой, посмотрел в сторону открытой двери; помедлив в нерешительности, нырнул в проем.

Ваня Смирнов стоял в стороне от оживленно разговарившихся друзей и прощался с этими местами. Он знал, что сюда они уже никогда не вернуться. К нему подошел Валера Сагалаков. Он сказал:

— В бухгалтерии ничего избличающего Ваську найти не удалось. Да и какие из нас эксперты-криминалисты?

Из дверей столовой выкатился клубок сцепившихся собак, не поделивших добычу. Из-за тучи на посадку беззвучно нырнул ИЛ-14, прокатился по гравийной взлетно-посадочной полосе и замер около бревенчатого домика аэропорта. Парни с рюкзаками бросились к самолету занимать места у иллюминаторов. Ваня постоял еще минуту; окинув прощальным взглядом поселок, подумал:

«Вот и все. Вспыхнул и угас наш «Факел».»

Взяв рюкзак, он тоже отправился в салон флагмана северных авиалиний.

ГЛАВА 3.

Все последнее время Огородников ощущал сильное внутреннее беспокойство. Оно угнетало, портило настроение, мешало думать и свободно жить. Он старался забыть о нем. Навалился на работу. Меньше стал бывать дома. Именно дома предчувствие беды давило сильнее всего.

Он перестал радоваться мелочам, которые составляют основу жизни каждого человека: удачной ли мысли, новой ли книге.

Он все искал в душе своей ту лазейку, через которую крадется беда в его жизнь. Искал и не находил. Огородников давно понял, что слишком тщательный самоанализ, страстное самокопание ни к чему хорошему, кроме душев-

ного расстройства, не приведут. Но тут было иное. Что? Осознать это он не мог. Предчувствие беды угнетало и было реальным. Таким же реальным, как его немодный, поношенный костюм или бутылка кефира, которую он держал в руке, ощущая в то же самое время внутри себя это проклятое предчувствие.

Он не знал, с какой стороны судьба ударит его, но знал наверное, что ударит, и ждал этого. Некоторые новые явления в его жизни настораживали, но их анализ не давал ему пока достаточных оснований для какого-либо конкретного вывода.

По утрам теперь он долго не мог найти себе рубашку, хотя прежде рубашки всегда висели на плечиках в шкафу, выстиранные и поглаженные Таней. Он говорил ей об этом. Она пожимала плечами:

— Очевидно, все грязные, походи в этой. Она еще ничего.

— Как ничего?! — поражался он, глядя на поблескивающие антрацитом воротник и манжеты.

По вечерам теперь Огородников ужинал один. Пожевав, он включал настольную лампу, садился работать. Таня приходила поздно. Молча раздевалась и ложилась в постель. Сначала он спрашивал, где она подолгу задерживается. Таня холодно отвечала:

— На работе. Я устала.

Она быстро засыпала. Больше он не задавал ей вопросов.

Огородников старался не обнаруживать перед женой свое плохое настроение, но предчувствие беды все давило и давило.

— Дурак, — ругал он себя. — Портишь жизнь себе и жене. И прав был Лапин: бросит она меня, да и правильно сделает.

Нежность к жене и тоска, без причины возникающая в душе, толкали его к Тане. В постеле он робко дотрагивался до ее плеча. Сонная, она брезгливо отталкивала его руку.

Утром молча расходились. На работе Огородникову было легче. Всегда строгий шеф почему-то перестал придирается к нему. Огородников, предоставленный самому себе, большую часть суток просиживая в библиотеках — работал над диссертацией. Прерывал свой труд лишь для того, чтобы прочитать студентам лекцию или провести с ними семинарские занятия.

В университете занятия начались сравнительно недавно, но, казалось, с тех пор прошла целая вечность. Та памятная поездка с женой в лес отодвинулась далеко и покрылась пеплом забвения.

Огородников шел по университетским коридорам и наблюдал студенческую жизнь. Пятикурсники, несколько высокомерные, держались обособленно и отчужденно. Мысленно они были уже далеко — там, откуда им суждено начать восхождение на Олимп славы и признания. На своих младших собратьев они смотрели полупрезрительно, поскольку те еще ничего не значили — эмбрионы, на старших преподавателей они смотрели так же, потому что те уже ничего не значили — вымирающий вид, достигший апогея своего развития. Будущность и счастье всего человечества отныне и навсегда находились в надежных руках — в их руках. Вот что читал Огородников на лицах студентов пятых курсов.

Первокурсников легко было узнать по восторженным физиономиям. В их глазах светилось торжество победителей и любопытство детей. Они совались во все уголки университетского здания, попадая иногда в смешные истории с помещениями, не обозначенными соответствующими табличками. Первокурсники плохо знали друг друга и поэтому они не были сплочены.

В отличие от них, студентов третьих и четвертых курсов объединяло духовное родство, а иногда и семейные. Они все знали друг о друге. Вместе ездили в стройотряды, вместе ходили на свадьбы к однокурсникам. Они верили, что вечно будут помнить и любить друзей.

«Чудесные ребята, — думал Огородников. — Жаль только, не любите вы философии».

Тема лекции, которую читал Огородников студентам, именовалась «Сознание и самосознание». Эта тема не была новой в науке, но он считал, что многое тут еще ждет своего разрешения. Тема эта его интересовала еще и в плане диссертационной работы.

... — Итак, что такое сознание? Вот что говорит по этому поводу Спиркин — известный советский философ и психолог: «Это высшая, свойственная только человеку и связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщенном, оценочном и целенаправленном отражении, в конструктивно-

творческом преобразовании действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтролировании человека».

Сознание является продуктом общественного развития, возникает в процессе трудовой общественно-производительной деятельности человека. Не возникнет человеческого сознания у ребенка, помещенного в стадо животных, у ребенка, находящегося вне сферы трудовой общественно-производительной деятельности.

Весьма интересно и поучительно проследить процесс развития сознания, его эволюцию в двух аспектах: эволюцию сознания как функции того особосложного объекта материи, которой называется мозгом человека и эволюцию общественного сознания как совокупности общественных идей, теорий, взглядов, отражающих условия материальной жизни общества, способ производства материальных благ. Эволюция общественного сознания трансформируется во времени через посредство эволюции в сознании каждого отдельного индивида. Без такой трансформации невозможна эволюция общественного сознания.

Известно, что материя, непрерывно водоизменяясь, эволюционирует ко все более сложным, совершенным формам своего бытия. Наблюдается ли эволюция сознания в физическом смысле? Тот, кто отрицательно ответит на этот вопрос, видимо, будет прав, потому что с тех пор, как человек стал человеком мыслящим, мозг его оставался неизменным. Сознание человека — продукт мозга, следовательно, и оно оставалось некоей постоянной величиной. Но известно также, что бытие определяет сознание человека. А человеческое бытие неразрывно связано с эпохой, в которой он живет, с той общественно-экономической формацией, представителем которой, с исторических позиций, выступает каждый, отдельно взятый, человек.

Пять типов общественно-экономических формаций представляют собой восемь основных социальных типов человеческих личностей, с их специфическим общественным сознанием. Четыре парных типа общественного сознания: раба и рабовладельца, феодала и крепостного, рабочего и капиталиста. А также два типа человеческого общественного сознания непарных: человека первобытно-общественного строя и

человека коммунистического общества. Эволюция общественного сознания налицо.

С изменением экономической основы человеческого общества менялось сознание как всего общества в целом, так и каждого отдельно взятого человека. Обо всем этом подробно говорится в работах классиков марксизма-ленинизма. А вот тема — эволюция сознания как функции человеческого мозга, остается практически неразработанной.

Вопрос о возможности такой эволюции сознания предполагает иной, тесно связанный с первым, вопрос о возможности существования носителя разума с иными физико-химическими свойствами. Мы должны знать — может ли эволюционировать сознание как функция человеческого мозга вместе с ним? Или, может быть, на иной материальной основе? Для этого надо вспомнить, что материя развивалась постепенно — от неживой к материи живой, и далее — к материи живой, мыслящей. Прекращается ли эволюция материи на этом, третьем этапе? Убежден — нет. Эволюция субстанции — живой мыслящей материи тоже возможна. Но — на качественно ином уровне! Если в основе эволюции материи вообще лежит случай, то в процессе развития материи живой мыслящей вмешивается разум.

Поэтому эволюция материи живой мыслящей не просто возможна — она необходима как в силу ограниченных возможностей материального носителя разума, так и в силу безграничных возможностей его самого. В своем непрерывном развитии материя, а точнее, объекты, ее составляющие, проходят три этапа: возникновение, развитие и переход в иное физическо-химическое состояние, причем, последний этап чаще всего является началом первого. Носитель человеческого разума — мозг не является исключением.

Наверное, в определенный момент человеческий разум встанет перед необходимостью подыскать себе иной носитель, чем наше тело. Этот носитель в силу своего развития подойдет к последнему этапу эволюции — переходному в иное физико-химическое состояние, поскольку неизбежной станет смена источника энергоснабжения системы.

На смену человеческому телу — носителю разума, созданного природой придет иной носитель, — созданный самим разумом. Этот носитель скорее всего будет создан на основе неживой материи. Но эволюция мыслящей материи на этом не остановится. Разум неизбежно встанет перед необходи-

мостью замены и этого своего носителя — по названным ранее причинам.

Думаю, что следующая система — носитель разума в своей основе будет иметь живую материю, со всем комплексом, необходимых живому мыслящему существу, чувств. Разумеется, на ином, неизмеримо более высоком качественном уровне. Мы ищем братьев по разуму, а они рядом с нами — в будущем.

К Огородникову пришло вдохновение. Он говорил свободно, зажигательно. Студенты были втянуты в сферу работы его мысли. Только некоторые — витали в своих мирах. Лица этих студентов были ему неприятны. Особенно раздражало его красивое лицо студента Усольцева. Это был сын его шефа. Отец и сын были очень похожи, но младший уже сейчас был слегка крупнее своего отца и гораздо нахрапистее его.

Огородников, с некоторых пор, почувствовал, что Юрий Федорович опять к нему переменялся. После непродолжительной полосы равнодушия опять начались строгости. Разговаривал с ним шеф брюзгливо и брезгливо. Огородников не понимал, что происходит, но сейчас, на лекции, он был хозяином положения. И так он хотел сбить спесь — скорее даже не с этого молодого оболтуса, а с его отца.

— Для чего материя эволюционирует? — продолжил Огородников, — Этот вопрос является очень важным, я бы даже сказал, мучительно важным — поскольку ответить на него очень и очень непросто.

Существует ли цель, к которой стремится в своем развитии природа? Если такой цели не существует, то почему и зачем природа создала человека с его сознанием? Допуская существенные цели в эволюции материи, следует признать наличие мирового разума, который направляет эволюцию к этой цели. И это льет воду на колесо мельницы богословов.

Мирового разума, конечно же, не существует, а следовательно, не существует и цели в эволюции материи.

Материя эволюционирует потому, что она не может не делать этого. Движение — эволюция есть форма ее существования.

Случай управляет движением материи. Появление на Земле жизни мы обязаны случайности. Случайно произошли отклонения — мутации, в развитии обезьяны, и появился человек.

Повторяю: с появлением сознания случайность перестает быть определяющим фактором эволюции материи. Сознание приносит в этот процесс элемент упорядоченности, целенаправленности.

Цель сознания — обеспечить свое существование. И если материя, слепо жонглируя случайностями, создала живую мыслящую материю, то создание человека тем более может влиять на процесс эволюции материи, направлять его в нужную сторону.

Разум вправе внести в развитие живой материи, в том числе и человеческого организма, изменения и получить иной носитель, отличный от человеческого организма, приспособленный к иным, по сравнению с земными условиями существования. Это станет необходимым, и просто неизбежным, когда энергосистема Солнце—Земля не смогут обеспечивать жизнь человека — носителя разума.

Видоизменяясь, человек научится существовать не только в иной, чем на земле атмосфере, но и вообще без атмосферы, при низких температурах окружающей среды. Вообще говоря, трудно определить, где проходит граница между живым и неживым. Советский биохимик академик Энгельгарт приводит любопытный факт. Одноклеточный микроорганизм живет в условиях кислородного дыхания, но при отсутствии кислорода не погибает, а начинает черпать нужную ему энергию за счет процессов брожения, т. е. за счет расщепления органических веществ. Клетка это по существу перестала дышать. Жива она или нет? Ответ ясен: она жива, но функции живого осуществляются в ней по-иному. Более того, мы можем даже полностью разрушить такую клетку, например, под высоким давлением выжать из нее клеточный сок.

Однако и этот сок будет продолжать расщеплять спирт и углекислоту, то есть сбраживать органические вещества так же, как это делала живая клетка. Полученный сок — живой? Ответ и тут на первый взгляд ясен: нет, неживой. Но это лишь на первый взгляд. Пока не установлено точно, в какой именно момент этот живой объект перестал быть живым.

Эту же, примерно, мысль, только в отношении вирусов, высказал ранее микробиолог Надсон: «Вирус — это то ли вещество, обладающее свойствами существа, то ли существо со свойствами вещества».

У природы есть примеры приспособляемости носителей жизни к иным, отличным от земных, условиям существования. Эти примеры человеческий разум может использовать для преобразования своего носителя — человеческого тела...

Огородников сделал паузу и посмотрел, как его слушают. Глубокая заинтересованность большинства студентов была ему дорога. Рядом с красиво-неприятным лицом Усольцева-младшего он видел внимательные глаза скромного светловолосого парня. Смирнов — так, кажется, была его фамилия. Его внимание было особенно дорого Огородникову. Он любил скромных людей, будучи сам до робости скромным. Малосимпатичных же ему людей, по причине своей душевной доброты, он прощал. Старался лишь по мере сил и возможностей исключить всякие контакты с ними.

— Пусть живут, — думал он, — в том, что они такие, не только их вина. Вот и Таня, — он вспомнил о жене, и острая игла нестерпимой боли кольнула в сердце. — Надо будет объясниться с ней.

...— Следует сказать, — продолжал он лекцию, — об эволюции материи внутри ее самой. Внутри материи — единой субстанции — первооснове всех вещей и явлений — эволюционируют отдельные объекты, ее составляющие. О самой же материи — единой субстанции — можно сказать, что она настолько же подвижна, насколько статична. То же следует сказать о разуме, который является противоположной материи, но неразрывно с ней связанной, субстанцией, единой в своей целостности. Разум не эволюционирует.

Внутри этой субстанции — разума эволюционируют отдельные элементы, его составляющие: сознание, память, мышление.

Есть ли предел возможного у сознания? Следует положительно ответить на этот вопрос, поскольку сознание — это одна из функций мозга, а раз существуют другие функции, следовательно, существуют границы их соприкосновения. Эти границы и есть предел возможного сознания.

Так же; как объекты материального мира эволюционируют в пределах материи, единой для них субстанции, так и сознание может изменяться лишь в пределах единой для него субстанции — разума, в разумных пределах.

Материя и разум — противоположности единого, бесконечного материального мира. Я говорю о материальном мире, как о более общем понятии по отношению к материи, потому

что оно охватывает два более узких, противоположных по своему значению, но единых понятия: материю и разум.

Возникает вопрос: почему человечество до сих пор не нашло своих братьев по разуму, коль скоро разум так же беспределен, как и материя? Для отражения всего многообразия объектов материального мира, в районе бытия человеческого разума достаточно нашего сознания.

Считаю, что на границе возможностей человеческого сознания мы встретим братьев по разуму.

Материя является носителем разума, точнее — отдельные ее объекты. Эти объекты, в том числе человеческие тела, носители разума, конечны в своем развитии. Но является ли конечным бытие человеческого разума? При переходе человеческого тела, в ходе эволюции в иное физико-химическое состояние человеческое сознание так же перейдет к качественно иному состоянию. Человеческое сознание конечно, поскольку конечен человек. Сознание, но не разум.

В результате эволюции человек передаст свои функции носителя сознания иному объекту материального мира. Человеческое сознание исчезнет. На его месте возникнет качественно иное сознание.

Разум останется. Возникает вопрос: итак, что такое разум? Этим вопросом я хочу закончить лекцию. Будет хорошо, если все мною сказанное сегодня вы подвергнете сомнению, но, сомневаясь, сомневайтесь и в своем сомнении.

...Опустошенный, шел Огородников на кафедру. Он до конца выложился на лекции и теперь чувствовал, как мокрая от пота рубашка неприятно липла к лопаткам. Тяжелое предчувствие, отпустившее его на время, вновь возвращалось к нему. Он почти физически чувствовал приближающуюся беду.

«Вот оно, — подумал Огородников, увидев Таню, идущую по коридору ему навстречу. — Что-то случилось. Таня никогда не приходила к нему на работу.

Огородников почти бегом устремился к жене.

— Что такое? Что случилось?

— Привет. Я не к тебе, — бросила она проходя мимо.

— Не ко мне?! — Огородников был бы, пожалуй, в меньшей степени изумлен, если бы сейчас, в коридоре университета, он встретил не жену, а дорогих ему братьев по разуму

из иных миров. Но он встретил свою жену, которая никогда прежде не приходила к нему на работу, а сегодня пришла. И не просто пришла, а прошла мимо, поскольку, пришла она, оказывается, не к нему.

— А к кому? — с таким вопросом он догнал жену. — К кому?!

— Да так, к одному твоему студенту, — спокойно ответила Таня, — принесла ему книгу, которую на время он уступил мне в библиотеке.

Огородников едва держался на внезапно ослабевших от сильного волнения ногах.

«Ну что случилось, дурачок? — успокаивал он себя. — Ровным счетом ничего. Иди на кафедру, иди». Он отправился, но внезапно вспомнил. Обернувшись, он спросил:

— Как его фамилия? Одновременно с ним Таня спросила:

— Где найти Усольцева?

Огородников не ответил. Он побрел на кафедру, опираясь рукой о стену. Он боялся упасть. В голове стучало:

«Это оно, это оно, это оно».

Что это «оно», какая связь существует между его предчувствием беды, появлением его жены в университете и неприятным ему человеком, он еще не знал. Но предчувствие его приняло иное состояние, иное качество — оно стало уверенностью.

Вечером Огородников сидел в своей комнате перед включенным телевизором. Он читал газету и прислушивался к шагам в коридоре. Ждал жену. Вот и Таня. Шаги ее были легкими, почти неслышными. Она привычно открыла дверь ключом, сняла пальто, заинтересовалась:

— Ты ужинал?

И все, и нет того гнетущего предчувствия беды. Предчувствие отпустило его. Надо бы вскочить, схватить жену в охапку, сжать ее от неожиданной радости. Надо бы вскочить, да только ноги ватные, да только пелена застлала глаза.

Он плотно уместился на диване, закрывшись газетой.

Так ты будешь есть или нет? — снова спросила Таня. Она гремела кастрюлями, ложками, и гром этот был для него лучшей в мире музыкой. Собрав все свои силы, Огородников ответил ровным голосом:

— Нет, я сыт. И хотя в желудке у него сосало от голода сейчас, при Тане он не мог прикоснуться к пище от полноты

раздираемых его душу чувств. Как перед этим не мог есть без нее от омерзения к этой пище.

«Ах ты моя учительница! Ах ты чудо мое чудное! Я же дурак, я же фантазер. Ну что, спрашивается, стряслось? Да ровным счетом ничего. С ума меня свели мои глупые фантазии. Фантазер несчастный!».

— Вот послушай, что пишут в газете, — Огородников перегнул газету у портрета обведенного траурной рамкой, — некрологе. Умер хороший человек. Он прошел большой жизненный путь от учителя начальной школы до председателя райисполкома. Представляешь, учитель где-то там внизу остался, хотя на всех перекрестках мы трубим, что учитель — это призвание, это высшая должность на земле! Лицемерим. Ах, как лицемерим! Да ладно бы только в некрологе, а то ведь того хуже: в делах повседневных, незаметно для себя. В мыслях тоже лицемерим. Такое вот повседневное, привычное лицемерие развращает нас больше всего.

— А что, я была бы не против прочитать в собственном некрологе о том, что я проделала путь от рядового учителя до, скажем к примеру, ректора педагогического института. А? Огородников, было бы недурственно? Твоя жена — ректор института. Тогда бы уж я развернулась!

— После смерти-то? — спросил Огородников. Настроение у него опять упало.

* * *

На кафедре философии готовились к приезду столичной знаменитости, известного профессора, автора многих монографий и учебников. Он должен был прочесть цикл лекций, ознакомиться и дать оценку работам аспирантов периферийного вуза. Говорили, что Усольцев-старший учился с ним, что они были даже друзьями и более того, друзья как-будто и сейчас. Однако свет большого таланта озарил почему-то не старшего Усольцева, а его сына, студента. С ним заговаривали преподаватели, студенты толпились около него в перерывах. Девчонки поглядывали в его сторону, правда больше по другой причине.

В последнее время по аудиториям пронеслась эпидемия слухов, сплетен, анекдотов. И самой занимательной из них была сплетня о тайной связи Усольцева-младшего и жены Огородникова. Все делали вид, что этот-то слух менее ин-

интересен среди прочих, но только делали вид. Все думали о том, как будут выпутываться из этой истории Огородников и Усольцевы — отец с сыном.

Огородникова тоже волновал приезд столичного гостя. Он надеялся на перемены в своей судьбе.

Об отношениях же своей жены с другими людьми, в особенности с мужчинами, он совершенно не думал. Он как-то не связывал ее существование с существованием других мужчин. Он считал Таню своей женой и все. Для других ее не было. Таня для него была тем миром, в котором живет только он и она; куда посторонним вход строго воспрещен.

Огородников чутко прислушивался к тому, что происходит у него в душе. Тяжелое предчувствие томило его, но, не теряя головы, он ждал прихода того реального, что откроет ему глаза на происходящее.

...Новый день обещал быть обычным. Начался он с лекции. Огородников вошел в аудиторию. Усадил студентов. На столе он обнаружил тетрадный листок, исписанный аккуратным почерком. Собираясь было отодвинуть его, он бегло просмотрел текст — сначала безучастно, затем заинтересованно.

«Спираль, — так был озаглавлен текст. — Человечество с трудом карабкалось по крутой спирали диалектического развития...

— Хорошо, — улыбнулся Огородников.

...Наконец, пробив головой небесный купол, оно высунулось в космос.

— О! — сказала Человечество, округлив глаза, — абсолютный нуль.

— Ну, молодец, — восхитился Огородников.

...В космическом холоде голова у Человечества стала металлической.

— Как бы не стать роботом, — подумала голова, оставаясь в космосе.

...— Ну молодец, вот молодец! — снова похвалил Огородников неизвестного автора.

— Не бойся, — успокоило голову жаркое сердце, впитывая живительное тепло земли, — не бойся: я же с тобой, — стучало оно в груди у Человечества.

— Однако, — подумала голова. — А вдруг?..

Она нырнула назад под небесный свод, оставаясь метал-

лической, продолжая ощущать в груди трепетные удары живого, горячего сердца.

Начинался новый виток спирали диалектического развития человечества.

— Кто автор? — Огородников показал листок.

Студенты недоуменно взирали на Огородникова.

— Да что же Вы молчите? Я хочу поблагодарить автора.

— Я написал, — поднялся Ваня Смирнов.

— Спасибо Вам, Смирнов. Вы очень точно поняли суть моей прошлой лекции. Я ставлю Вам пятерку.

Аудитория удивленно и встревоженно загудела.

— Что там такое? За что пятерка? Почему?

Огородников прочел вслух сочинение Смирнова.

— Ну и что? — студенты изумленно переглянулись: — Ни черта не понять, а пятерка. Во дела.

Кое-кто красноречивыми жестами выразил свое мнение относительно умственных способностей преподавателя.

— Однако приступим к лекции. — Огородников с трудом успокоил разволновавшихся студентов. — В прошлый раз я закончил лекцию вопросом. С вопроса я хочу начать и сегодня. Правильно сформулированный вопрос — гарантия успешного решения проблемы. Всякое творчество, научное или художественное, состоит из трех этапов: первый этап — постановка вопроса или, более общее, формулирование проблемы, второй — поиски ответа или решение проблемы, и третий — практическая реализация полученных результатов. Повсеместно же, мы, начинаем обучение не с начала, а со середины. Что мы делаем, обучая детей в школе? Учим находить ответы на давно известные вопросы. Студентов обучаем по той же схеме. Впрочем, вся система школьного и вузовского обучения так на втором этапе и заканчивается — за редкими исключениями. Ведь очень немногие студенческие работы находят свое применение в практике. Это происходит, как известно, не из-за их низкого профессионального уровня. Просто в них даются ответы на давно решенные вопросы. Зачем их решать еще раз?

Трудно перейти к правильному, полновесному обучению, потому что такое обучение для общества является архиневыгодным делом. Сотни тысяч молодых умов учащихся школ, студентов не соответствуют своему предназначению. Энергия этих молодых, обладающих коллосальным творчес-

ким потенциалом в своей совокупности, умов не находит своего практического применения, потому что в свое время не научили их простой вещи — умению задавать вопросы, а точнее не развили в них с детства заложенную природой в каждом человеке способность. Вспомните, что делает мать, которая видит, как ее малыш пытается лизнуть ком земли. Вы скажете, что она бьет его по рукам. Я думаю, она убивает в нем исследователя.

Для человечества существуют две побудительные причины трудиться: нужда в хлебе и любознательность. При социализме отсутствие, в силу экономических условий, нужды в куске хлеба у человека и любознательности у него, в силу педагогических просчетов, является причиной таких негативных явлений как например, элементарное тунеядство.

«Идея неизменно посрамляла себя, как только отделялась от интереса», — это слова Карла Маркса. Они подтверждают сказанное мною.

Воспитывать любознательность у ребенка, учить его мыслить необходимо с первых мгновений жизни. Макаренко говорил об этом, но до сих пор мы мало что делаем в этом отношении.

Каковы пути обучения ребенка мышлению в грудном возрасте? Путь этих ровно столько, сколько существует органов чувств, т. е. каналов восприятия ребенком информации извне. И в грудном возрасте процесс подачи информации должен быть систематическим и целенаправленным, поскольку ребенок впитывает не только любую информацию, но и отсутствие ее.

Пустая белая стена в комнате малыша — это тормоз в развитии человечества.

Переломный момент в сознании ребенка наступает в тот момент, когда он начинает задавать вопросы. Это начало его отчуждения от мира вещей. Инстинкт самосохранения подсказывает ему необходимость накопления определенного объема информации для того, чтобы выжить в этом мире.

С этого времени необходимо учить малыша ставить вопросы. Это и будет началом первого этапа в развитии его творческого мышления — этап постановки вопроса. Дело это настолько сложное, требующее специальных, научно разработанных методов, что только лишь родителям малыша с этим делом не справиться.

Воспитание Человека Доброго — дело государственной важности и необходимости, ибо человечество выживает только в том случае, если будет обладать определенной суммой необходимых для этого знаний и прочным запасом альтруизма.

Это не аксиома по отношению к отдельным людям. Злой и порочный человек может выжить и даже процветать, но злой и порочный народ — никогда.

Огородников подумал о Тани и дал себе слово быть с ней впредь предельно добрым, чутким и внимательным мужем.

— Итак, поговорим о соотношении знания и морали...

...Осенний город вечером был красив. Автомашин и прохожих на улицах было немного. Стены домов, если к ним прикоснуться ладонью, еще хранили слабое тепло осенних солнечных лучей. Во дворах домов, около овощных палаток, валялся белый, хрустящий капустный лист. Запасливые хозяйки солили капусту на зиму.

Огородников торопился домой. Он запоздал с возвращением: после лекции засиделся в библиотеке. Он чувствовал себя виновным перед женой. Легкая волна печальной нежности к ней подгоняла его.

— Женка, ты подожди, — говорил он ей, — все-то у нас образуется. Ты только верь в меня. Мне надо так немного: только твоя вера и твоя поддержка, и я сдвину любую гору. Верь мне. В меня мало кто верил. Не верили врачи, что я выживу, когда я родился слабым, обреченным умереть. Только мать верила и выходила меня. Не верили учителя, что я смогу хотя бы сносно учиться. Мать верила и помогала, и я закончил школу с серебрянной медалью. И так всегда. Увидишь, я не обману твоих надежд. Я никого и никогда не обманывал.

Он вошел к себе в комнату. Тани не было. Огородников присел на диван, уронив руки между колен, равнодушный и безучастный. Сколько времени так прошло, он не ощущал. Наконец, он решил поесть. Снял пиджак, открыл платяной шкаф. В шкафу не было Таниной одежды. Огородников оглядел комнату. Заглянул зачем-то под диван. Сел. Почувствовал, что сидит на хрустящем листе бумаги. Прочел его.

«Меня не ищи. Я ушла навсегда», — было написано на листе.

Огородников тупо всматривался в текст записки и не понимал его. Куда ушла Тая и зачем? Что она ушла, было не страшно: ушла и придет. Страшно было другое. Навсегда! Как так — навсегда? Зачем — навсегда?

Ужас случившегося медленно доходил до его сознания. Он растерялся и испугался так, что с ним случился обморок. Потом его начало тошнить. Он вскочил, хотел бежать в туалет, но опять упал: не держали ноги. Его вырвало прямо здесь. Он отлежался на полу. Стало легче.

«Что, что, что делать?» — билось в голове, в груди, во всем теле. Он поднялся, убрал рвоту, умылся, перечитал еще раз записку, надеясь увидеть в ней тайное объяснение происходящему, отыскать неведомый адрес жены.

«Меня не ищи» — царапнули его взгляд печальные слова записки.

«Искать! Вот что надо делать. Искать!»

Он принял решение и от этого успокоился. Надо идти к ней на работу, в школу. Узнать, где она, дождаться, уговорить, унести на руках и не отпускать, не отдавать ее ни кому. Огородников лихорадочно собрался и бросился на поиски. В школе, где работала Тая, он долго стучал в двери. Открыла толстая, сонная сторожиха, вооруженная шваброй. Огородников спрашивал у нее о Тани, а она, должно быть с испугу, осыпала его отборной бранью. Наконец, он уразумел, что в этот поздний час никто не сможет сказать, где его жена. Он подумал о ее подругах, кажется, у нее были подруги, но он не знал, кто они такие. Где они живут он тоже не знал. Огородников бродил по городу, пока основательно не заоченел.

Он остановился перед огромными желтыми окнами ресторана, за стеклами которого сидели люди и беззвучно шевелили губами, либо осоловело жевали.

Часть пьяной публики толкалась в танго.

«Вот ресторан, — подумал Огородников, — в нем веселые люди. Им хорошо там, мне плохо здесь. Я пойду к ним, и с ними мне станет лучше. Там легко и весело. Там праздник».

В ресторане он нашел свободное место за неубранным, заставленным грязной посудой столом. Долго ждал официанта, тупо уставясь на распаренную в танце массу человеческих тел. Пахло табачным дымом и сладкими женскими духами. Внутри ресторана, как и за его стенами, голосов не

было слышно. Гром оркестра подавлял, глушил их. Наконец, к нему подскочила заезженная официантка.

Нервничая, приняла заказ и снова умчалась. Наконец, ему принесли еду и водки. Он выпил подряд две рюмки, поел потом еще выпил. Только сейчас он понял, как был голоден. Насытился он быстро. Ему захотелось курить. Он пожалел о том, что не заказал сигареты. Решил попросить у соседей. Обратился к симпатичной девушке за соседним столиком. Она, не глядя, протянула ему пачку. Огородников закурил. Тепло выпитого спиртного и хорошая пища на миг успокоили беспокойный бег его мысли и чувств.

Он сидел и наслаждался сиюминутными прелестями жизни. Ему захотелось дружеского участия, прикосновения теплой женской руки, захотелось заглянуть в лучистые женские глаза. Огородников решил потанцевать, намереваясь пригласить симпатичную соседку, которая угостила его сигаретой. Оркестр исполнял что-то быстрое и оглушительное. Он подошел к ее столику. С нею были два спутника — здоровые, красивые парни. Огородников протянул к ней руку, приглашая танцевать. Она удивленно и брезгливо окинула взглядом его фигуру в помятом ширпотребовском костюме и отвернулась, не ответив ему. Рука его, некоторое время, еще висела в воздухе, будто протянутая за милостыней или молящая о пощаде. Потом рука медленно опустилась. Огородников расплатился с официанткой и отправился к выходу. Одеваясь у гардероба, он разглядывал себя в зеркале. Бледное, бесцветное лицо, маленькие печальные глаза, мятый костюм, несвежий воротник и сбившийся в сторону галстук.

— Идиот! До чего же ты омерзителен и жалок! — подумал он о себе. Он вышел на улицу. После духоты ресторана осенняя прохлада приятно освежала ему жаркий лоб и грудь.

Огородников пришел к Таниной школе, сел на скамью у входа, намереваясь дожидаться утра и свою жену. Ночь была звездная и холодная. К утру он задремал и замерз так, что не мог подняться со скамьи. Преодолевая боль в суставах и, чувствуя как трещат его окостеневшие мышцы, он поднялся только после того как услышал, что кто-то собирается звонить в медицинский вытрезвитель, чтобы его увезли из школьного двора.

Директор школы на его вопрос ответил, что на работу его жена выйдет лишь через две недели. Отпуск без содержания она вырвала у него, пригрозилась уволиться в середине учебного года. О том же, где она сейчас, он не знает.

«Все предусмотрела», — думал Огородников, — знала, что буду искать, знала, что приду в школу. Теперь все, теперь конец.

Он шел домой, в свою комнату, с твердым намерением свести счеты с неудавшейся жизнью. Огородников шел в свою, теперь холостяцкую, комнату и боялся одного, что упадет на дороге, не дойдет до постели. Его била крупная дрожь. Холодный пот ручейками катился по горячей коже и эти холодные ручейки почему-то обжигали кожу. В своей комнате он упал на диван не раздеваясь. Очнулся он от нестерпимой жажды. С трудом, преодолевая боль, разламывающую все его тело, встал. Хотел напиться. Ноги не держали. Он упал, больно ударившись головой об угол табурета. Отлежался на полу, постелил на диване, поставил рядом с изголовьем несколько бутылок кефира и снова упал в постель в глубоком забытьи.

В бреду и одиночестве Огородников провалялся неделю. Оправившись от болезни, он решил, что все происшедшее с ним не смертельно и надо жить. Он вышел на работу. На кафедре его ждал разгневанный шеф. В присутствии столичного гостя он стал отчитывать Огородникова за прогулы.

— Я болел, — ответил Огородников, пораженный элегантным видом гостя.

«Праздничный мужчина», — подумал Огородников. Он проникся к нему симпатией, втайне надеясь на его помощь.

— В таком случае принесите медицинскую справку о Вашей болезни, — снова донесся до него голос Юрия Федоровича.

— Я не могу этого сделать, — ответил Огородников.

— Позвольте Вас спросить, почему?

— Потому что выздоровел.

— А раньше — потому что болел? — участливо закивал головой Юрий Федорович.

«Участие Иуды», — подумал Огородников. Еще он подумал, что Усольцев заискивает перед москвичом.

«Да ведь он-то, должно быть, умный человек и должен понять, кто чего стоит», — успокоил он себя.

— Юрий Федорович, — гость поднялся и Усольцев замолчал, — я хочу поговорить с нашим молодым коллегой.

«Вот оно. Сейчас все решится, — Огородников надеялся, хотя давно уже привык к тому, что в его жизни ни одно серьезное дело не решалось мгновенно, — не может он не видеть неординарности моей работы».

— Я внимательно ознакомился со всем, что есть у Вас на кафедре, в том числе и с Вашими, молодой коллега, изысканиями...

Такое вступление Огородникову не понравилось.

— Хочу сказать, — продолжал гость, — что меня удивляет неспособность Юрия Федоровича руководить Вами в ваших исследованиях. Удивляет меня и Ваша слабая подготовка по избранной теме.

Огородников снова почувствовал знакомый приступ тошноты и слабости. Он подумал, что его уже второй раз пытаются затолкнуть в могилу, но, восстав из нее только что, он не собирался сдаваться.

— Должен выделить три основных ошибки в Вашей работе, — сказал профессор, обращаясь к Огородникову. — К первой я бы отнес то, что с помощью чего Вы проповедуете дуализм или, если хотите, параллелизм. Вы утверждаете, что материальная и идеальные стороны действительности существуют как два параллельных ряда, что обе они развиваются параллельно.

Огородникову хотелось возразить, что такое он никогда не утверждал. Нельзя же желаемое выдавать за действительное. Но он промолчал.

— И это не только не допустимо, — слушал он далее, — это, если хотите, недостойно философа-материалиста, к числу коих Вы, надеюсь, причисляете себя.

«Эк, куда хватил, — с неприязнью думал Огородников. — Однако ты намеренно или по незнанию, что невероятно, упускаешь, что дуализм утверждает: материальная и идеальная стороны действительности не предшествуют одна другой. Я же никогда не посягал на основной закон философии, в соответствии с которым — материя первична, сознание — вторично».

— Вы ошибаетесь также, утверждая, что зло является обязательным элементом действительности. По вашему, следует, что иначе не будет действовать один из основных зако-

нов философии — закон единства и борьбы противоположностей. Но, как и все в этом мире, зло не вечно. Оно преходяще.

«Тут он прав, — подумал Огородников. — Хотя и не совсем, или вернее, совсем не уловил сути моей мысли о добре и зле. Но здесь я сам виноват, недостаточно ясно выразил мысль. Надо доработать».

...— И далее, Вы утверждаете, что материя и сознание будут непременно развиваться, как Вы пишете, эволюционировать, от живой мыслящей материи к неживой мыслящей, а затем снова к живой мыслящей материи. Но зачем человеку, а Вы, безусловно, его имеете в виду, зачем человеку развиваться именно таким образом? Не лучше ли ему живому, совершенствоваться так, чтобы обойтись без Вашего промежуточного этапа и не становиться неким подобием робота. Без этого и проще и гуманнее.

«Это надо обдумать», — решил Огородников.

...— И последнее, а кому, собственно, нужны Ваши изыскания? Какова их практическая ценность? Что они могут дать обществу? На все эти вопросы один ответ — ничего. Это свидетельство научной несостоятельности, молодой коллега, прошу извинить меня за резкость.

Огородников медленно брел по улице. Нет, этот красивый убийца не убил в нем веру в себя. Но он посеял сомнения, а сомнения убило в нем злость, бойцовскую злость, а это тоже серьезно.

Натыкаясь на встречных прохожих, Огородников брел на телеграф, чтобы отправить телеграмму Лапину. В телеграмме он написал:

«Срочно приезжай. Мне плохо».

ГЛАВА 4.

Ваня Смирнов и Шурик Усольцев по давней привычке после занятий гуляли по городу. С первого курса они любили бродить без цели, просто так. Сначала потому, что не хотели расставаться, затем по привычке.

— Выходит, он не догадывается, к кому ушла жена? — спросил Ваня.

— Совершенный оболтус. Ни о чем не подозревает. Как Таня жила с ним, трудно представить.

— Слушай, а тебе не противно? Разбил семью, да она и старше тебя.

— Мне нечего было разбивать. Семьи у них, по сути, не было. Таня жалела его, поэтому жила с ним до поры.

— Это она тебе сама говорила?

— Сама. И — к черту все! Я люблю ее, она — меня. До всего остального мне дела нет. Все, кто любит — эгоисты. Я — эгоист. Ты можешь осуждать меня. Каждый может осуждать меня, но все вы завидуете мне, потому что я люблю, и меня любит красивая, прекрасная женщина. Я счастлив, а счастье — оправдание всему. Вот ты — можешь радоваться жизни, ежесекундно, всегда? Молчи! Знаю, что не можешь. Сам такой был до встречи с ней. Сейчас удивляюсь, до чего скучно жил — серо, без радости. Не хочу возвращаться в ту жизнь. Мне жалко всех, кто живет так. Я буду драться со всяким, кто посягнет на все то, чем я теперь жив.

— Нет, не говори, — возразил Ваня, — какая может быть любовь, если человек унижен. А Огородников унижен. В обратном ты меня не убедишь. Все это достаточно мерзко. Так же мерзко, как украсть или жить за чужой счет.

— Зачем же ты дружишь с мерзавцем? — спросил Шурик.

— Да я же о другом, — ответил Ваня.

— Знаю, потому и не обижаюсь. Поверь, по-другому не могу. Я недавно понял, ощутил физически, что человек, сам по себе, это лишь половинка одного существа. Любовью двоих создается это существо. Я растворяюсь в этой женщине.

Некоторое время шли молча, обдумывая сказанное.

— Мерзко мне от того, — продолжал Ваня, — что и я мог бы поступить так же. И я мог бы украсть или обидеть другого. Вот что я чувствую и вот от чего мне мерзко.

— Это ты про Огородникова?

— И про него тоже.

— Ну, знаешь, это уже мистика, — сказал Шурик, — И вообще — выбрось дурь из головы. Иначе скоро в Бога станешь верить. Переиначив того же Огородникова, я утверждаю: недейственное чувство недействительно, поскольку оно не существует в действии. В отличии от тебя и от него я человек действия. А если уж ты заговорил о мерзости людской, то... Хочешь узнать о настоящем мерзавце, которого все Вы считаете порядочным человеком?

— Ты это о ком?

— О нашем доблестном командире, Ваське. Он ездил в «Северный». И, как следует из достоверных источников, знаешь зачем? Ты подумай, подумай. Ни за что не догадаешься.

— За деньгами, — сказал Ваня.

— А ты догадливый. Ничем тебя не удивишь. Может, знаешь, что за деньги он забыл там?

Ваня промолчал.

— Вот и я не знаю, — сам по себе ответил Шурик. — А узнать очень было бы охота. Только вот, опять же, как?

...Ваня Смирнов ехал в общежитие к Валере Сагалакову, думая как разоблачить командира стройотряда, ставшего жуликом. В душе у Вани клочкотало. Энергия возмущения требовала выхода.

«А Валера — молодец. Все точно вычислил. Ну Васька! Ну, паразит, набить бы тебе морду!»

Сагалакова в общежитии не оказалось. Ваня решил дождаться его. Вспомнил о Наташе и решил зайти к ней. В ее комнату он вошел без стука. Наташа мыла пол. Легкий халатик прикрывал тугие, загоревшие ноги.

Наташа выпрямилась. Ваня не успел отвести глаза. Она перехватила его взгляд, но не смутилась. Смутился Ваня. Он густо покраснел. Наташа улыбнулась, пригласила пройти его в комнату. Она была ему рада. Поправив халат, Наташа широкими движениями художника провела выжитой тряпкой по мокрому полу, и пол засиял.

— Ты побудь тут, — сказала она. — Я вылью воду и потом поговорим.

Вернулась она не одна. Вслед за Наташей в комнату вошел Васька. В руках у него был объемистый портфель. Парни изумленно уставились друг на друга. Первым пришел в себя Ваня.

— Ты чего на меня уставился, давно не видел? — спросил он.

— Наташ, мне надо поговорить с тобой по очень важному делу и без свидетелей, — сказал Васька, не обращая внимания на слова Смирнова.

— Мне тоже нужно поговорить с ней по важному делу и тоже наедине.

Васька свирепо взглянул на неожиданного соперника. Наташа улыбнулась, глядя на парней. На некоторое время в комнате установилась неловкая пауза. Наконец, Васька

решительно поставил свой портфель на стол. В нем что-то звякнуло.

— Ну и черт с тобой, — сказал он, — сиди и слушай.

— Давай начинай, — одобрил Ваня намерение жулика.

Васька начал выкладывать на стол всяческие явства. Поставил бутылку шампанского, коньяка, выложил коробку дорогих конфет, копченую колбасу, баночку с черной икрой. Достал и раскрыл коробку с обручальным кольцом и часы-кулон с рубиновым камнем на золотой цепочке. Теперь уже Наташа изумленно смотрела то на Ваську, то на это невиданное богатство.

Потом она серьезно, даже несколько испуганно, спросила:

— Что это все значит?

— Это все означает, что я тебе делаю предложение. Прошу выйти за меня замуж, а это — вещественные доказательства серьезности моих намерений, — выпалил одним духом Сорокин.

— Жених, — с уважением произнес Ваня. — И ведь какой состоятельный!

Васька не слышал и не видел никого и ничего. Он напряженно, круглыми от волнения глазами, смотрел на Наташу. А она, стоя у окна, не могла прийти в себя от охватившей ее оторопи.

Васька почувствовал ее состояние, понял, что нужный эффект им достигнут, но его необходимо закрепить. Ваську лихорадило. Его охватил творческий экстаз. Он сорвал крышку с коробки конфет, нарезал колбасу так стремительно, что Ваня испугался, как бы он не отхватил себе пальцы на левой руке. Так же стремительно он сорвал крышку с баночки икры, зубами содрал пробку с бутылки коньяка.

Схватил два стакана. С треском открыл бутылку шампанского. Наполнил оба стакана. Один торжественно преподнес Наташе. Ваня взял другой, совсем ему не предназначавшийся. Посмотрел на свет, попробовал:

— Полусладкое. Ничего. И добавил: — Ну, а кулон, зачем же кулон? Кто носит сейчас кулоны?

Вернувшись к столу, и не обнаружив стакан с шампанским, Васька снова свирепо посмотрел на Ваню. Тот ответил ему насмешливым взглядом, потягивая вино. Пришлось жене искать третий стакан, для себя. Ваня осмотрел баночку с икрой, взглянул на цену.

— А икра-то за рубль, — сказал он, — фальшивая.

Когда Васька, наполнил стакан, приготовился сказать что-то соответствующее торжественному моменту, Ваня, допив вино, опередил:

— Жених, — сказал Ваня, — а позволь спросить тебя, зачем ты ездил в «Северный»?

— Не твое собачье дело, — грубо ответил жених.

— Какой грубый и невоспитанный мальчик. Несчастные твои родители. Ну, раз не хочешь сказать, зачем ездил в «Северный», тогда объясни: где ты взял деньги на все это?

Васька, надеясь все же избежать скандала, буркнул:

— В отряде заработал, знаешь ведь сам.

— Ах в отряде! И не иначе головой.

Васька испуганно взглянул на Ваню. Промолчал, все еще на что-то надеясь.

— Те деньги, — Ваня погрозил пальцем, — ты потратил на себя. Перечислить, что ты купил себе?

— Не стоит, — вмешалась Наташа. — Эти деньги он украл. За ними и ездил в «Северный».

— Сам пойдешь в милицию сдаваться, — спросил Ваня, — или нам заявление писать? Говорят, явка с повинной облегчает участь преступника.

Васька дико огляделся вокруг. Кровь ударила ему в голову, и он, не помня себя, бросился на своего врага с кулаками. Вскочив, Ваня, ловко встретил Ваську прямым ударом в челюсть. Тот, падая, зацепил стол, и все баснословное богатство свалилось на пол. Васька снова вскочил. Сцепившись, парни пытались повалить друг друга. Но это им долго не удавалось. Они давили каблуками шоколад, искусственную икру, смешивая их в луже коньяка и шампанского. Упавшее со стола обручальное кольцо нашло себе место в щели, под кроватью. Чей-то каблук раздавил часы-кулон, и рубин, огненной искрой сверкнув в солнечном луче, погас, а колесики весело разлетелись по комнате.

Васька головой разбил Ване нос, а тот свалил своего бывшего командира на пол и валтузил его кулаками. Кровь капала из Ваниного носа на Васькино лицо и голову, превращая постепенно Ваську в языческое божество, измазанное кровью жертвенного животного. Наташа, сначала безучастно глядевшая на драчунов, заплакала. Тихо поплакав, она растащила парней и вытолкнула их из комнаты.

Ваня умылся и вернулся в комнату помочь Наташе прибраться. Васька бросился из общежития, изумляя своим страшным видом студентов. Он до смерти перепугал старушку-вахтера и едва не сбил с ног спешившего ректора университета, заглянувшего в студенческое общежитие с инспекционной проверкой.

Когда Ваня вошел в комнату, Наташа сидела на полу и перебирала колесики от часов у себя на ладони.

— Ну, вот и все. Ни часов, ни семьи, — вздохнула она. — А могла бы все это иметь.

— Приобретенное на краденные деньги, — сказал Ваня, поднимая стол и раставляя стулья.

— А кто тебе сказал, что деньги у Васьки краденные?

— Ты сама, — ошалело уставился на нее Ваня.

— Я пошутила.

— Ничего себе шуточки! Выходит, что я и дрался зря?

— Выходит, — ответила Наташа, — зря человеку лицо в кровь разбил.

— Ну, кровь-то, положим, моя была, — возразил Ваня.

— Эх, Ваня, Ваня! Не разобравшись, с ходу человеку в лицо кулаками, — говорила Наташа. — И, по сути, не ему одному — и мне тоже. Ведь, как никак, — жених.

— Вор твой жених. Товарищей обворовал. Вор он и мерзавец. Икра у него и та фальшивая.

— Далась тебе эта икра, — вздохнула Наташа. — Строго людей судишь, — сказала она. — И сама я не лучше его, и друг твой Усольцев. Попользовался и бросил беременную. Куда бы я с ребенком? Ни родных, ни близких. Учебу жалко бросать. Одна дорога — аборт, А Васька, зная все это, не побрезговал, — заплакала Наташа. — Вот ты, Ваня, женись на мне, — неожиданно предложила Наташа.

Ваня помолчал, изумленный столь неожиданным предложением. В принципе он был не против.

— Не хочешь иметь дело с подстилкой дружка своего? — зло сказала Наташа. — Все, Ваня, мерзавцы! Один ты хороший. Вот и оставайся им. И знаешь, что Ваня? Иди отсюда. Ты парень хороший, но ты иди отсюда.

Ваня шел из общежития подавленный. Он защищал правду, а выходит, все испортил. Бессмысленно избил человека, разрушил счастье двух — их будущую семью. Нет, нет! Негодяя он поколотил правильно! Но тогда откуда это чувство вины?

Избитый Васька убежал в березовую рощу, что росла недалеко от общежития. Там он упал на землю и долго рыдал. Плакал он от бессилия изменить что-либо теперь, от злобы на людей, обидевших его, от предательства. Он совсем не ожидал, что Наташа так вероломно предаст его. Васька не понимал: почему ему мешают жить так, как хочет он. Ведь он-то, кажется, никому не мешает.

ГЛАВА 5.

Огородников, бросив все, поехал в родную деревню, к своему деду. В городе его теперь ничто не держало. В вагоне поезда он забрался на верхнюю полку, подальше от людей, и быстро уснул. Спал долго и крепко. Огорчения последних дней на время забылись. Во сне он видел родную деревню, живых родителей и деда.

Проснулся он от того, что поезд остановился. Жутковатая, густая темень за окном вагона встревожила его. Поезд стоял в осеннем поле и чего-то ждал. Электрический свет в купе был притушен, и двое пассажиров-мужчин, его попутчики, о чем-то тихо говорили. Огородников не обращал поначалу на них внимания. Потом, когда устал думать о своем, прислушался к их разговору.

— Хорошая теория — это, как лыжня по новому снегу, — говорил молодой пассажир уверенным баритоном. — Лыжня, проложенная хорошим лыжником, прямая, но с неожиданными поворотами впереди. По такой лыжне легко и интересно бежать другим, подравнивая и спрямляя углы.

— Хорошую лыжню один не проторит, каким бы хорошим лыжником он не был, — возразил ему второй пассажир, — пожилой, с красивой седой шевелюрой и лицом, иссеченным глубокими морщинами. В неярком электрическом свете он походил на трагического актера. Полезно возвратиться по своей лыжне назад и посмотреть: в нужном ли направлении она проложена. Бывает грустно, — вздохнул он, — от того, что по проложенной тобою лыжне никто не следует. — Он помолчал, глядя в темное окно.

— У вас в науке, впрочем, так же, как у нас в литературе, — продолжал седой, — трудно бывает выйти из кем-то однажды проложенной колеи и следовать своим направлением. Сумевшего найти свой путь называют талантом или да-

же гением. Но это принципиально не так. Есть лишь один путь, одно направление в любом творчестве, научном и художественном, — реалистическое отражение бытия. Всякое научное открытие либо произведение искусства — это лунный свет, свет, отраженный личностью исследователя. А источником этого света является материальный мир во всем многообразии его взаимосвязей.

Эрих Ремарк сказал однажды, что о картинах нельзя писать. Мол, писать об искусстве нельзя, его можно только чувствовать.

Эта мысль Ремарка настолько же правильна на первый взгляд, настолько неверной оказывается при ближайшем рассмотрении. Дело в том, что писатели, ученые, художники только тем и занимаются, что просвещают не умеющих чувствовать изначально, то есть природу — в том числе, природу человека. Большинство людей плохо чувствуют и понимают природу. Для них художники и пишут свои картины, писатели — книги, ученые совершают открытия. А уж критики занимаются тем, что отражают отраженное.

Критики — это санитары леса, леса литературного, научного, художественного. Без слова нет мысли. Всякий художественный образ — это мысль. Мысль можно выразить словом. Посредством слова мысль материализуется. Чувства воспитываются словом, поэтому Ремарк неправ.

Огородников старался ничем не выдавать своей заинтересованности. Боялся пошевелиться, чтобы не оборвать этот разговор.

— Вы правы во многом, но далеко не во всем, — сказал молодой. — Следуя логике Ваших рассуждений, можно подумать, что Вы отказываете человечеству в самостоятельном, помимо природы, творческом созидании.

— Выходит так, если смотреть в глубину явлений, — ответил старший. — Природа дает нам материал. Человек лепит по образу и подобию природного все, что человеку нужно. Чтобы создать нечто принципиально свое, человеческий разум должен отказаться от того, что он берет у природы. Но из ничего нельзя получить что-либо. Все созданное человеком — это не всегда удачная копия, того, что имеется в природе.

— А как же быть с тем, что человечество — это новая геологическая сила? — возразил молодой. — Вернадский знал, что говорил.

— Разумеется человечество — это сила. Кто же с этим спорит. Сила, пусть даже геологическая, но она использует все тот же природный материал и создает нечто, полезное для себя, не выходя за рамки возможного, очерченные природой. Думать иначе значит быть идеалистом, верить в мистику, в несуществующее. Конечно, — продолжал седой, — человеку бывает трудно создать что-то, уже существующее в природе, к примеру, термоядерную реакцию. Эти свои усилия, попытки повторить природу, человек и называет творчеством.

— Я думаю иначе, — ответил молодой, — но я не считаю себя не мистиком, не идеалистом и вот почему. В природе есть несколько обязательных данностей: масса, энергия, поле. Все остальное зависит от конкретных условий, в которых находится тот или иной объект материального мира.

Мел в одних условиях — это мел, в других — алмаз. На солнце есть элементы, которых нет на земле, и наоборот. Разум наделен способностью изменять условия существования объектов материального мира во времени, в пространстве, в движении, создавать новые элементы, не существующие в природе, помещая в иные, отличные от природных, условия атомы и формируя из них молекулы нового вещества. Человек может создавать именно новое, истинно свое, а не только следовать тому, что диктует ему она, природа.

Огородникову хотелось прыгнуть с полки и стиснуть в своих объятиях этого молодого умницу. Он полюбил его. Это был его единомышленник. Но Огородников остался лежать на своей полке. Он боялся натолкнуться на холодное непонимание, как это уже случилось с ним, когда он первым протягивал руку понравившемуся малознакомому человеку. Огородников приучил себя к сдержанности в отношениях с людьми. Эта привычка делала его в глазах других несколько мрачным и невоспитанным типом.

— Перед человечеством, — продолжал молодой, — стоит три—четыре глобальных, неотложных в своем решении задачи. Естественно, первая и самая важная — это сохранение человеческого разума. С этой задачей тесно связано энергетическое обеспечение цивилизации. Самым тесным образом связано с этим и...

Поезд давно уже мчался сквозь ночь. Огородников слу-

шал своих спутников и снова думал о том, что с появлением сознания случайность перестает быть определяющим фактором эволюции материи.

Разум приносит в этот процесс элемент упорядоченности и целенаправленности. Цель разума — обеспечить свое существование. Случайность — частное проявление закономерности, и если материя не может не эволюционировать или слепо жонглируя случайностями, создает живую мыслящую материю, то разум не может удовлетвориться только этим.

Огородников перестал следить за разговором своих спутников, и когда снова прислушался, то с удовольствием услышал, что говорят они на близкую и волнующую ему тему. Говорил старший:

— Художественная литература в отдаленном будущем станет всего лишь историческим памятником. Думаю, что человек не всегда будет таким, какой он есть сейчас — с его недолговечным носителем разума — телом. Разум встанет перед необходимостью замены своего носителя и вполне возможно откажется и от тела, и от того, что мы называем чувствами. Может быть, в жизни того, кем станет человек, не будет места и художественной литературе. Она превратится в памятник человеческим чувствам, этим рудиментам наших «я».

Я старый писатель. Меня всегда обгоняли в моем творчестве, обгоняют и сейчас, молодые и резвые. Но становится смешно, глядя на их резвость: резвость жеребят в загоне бытия. Читая написанное уже давно и то, что публикуют сейчас, я вижу узду, за которую природа и разум ведут нас, его носителей, в чистилище природы, из которого мы выйдем обновленными и другими, не похожими на нас теперешних, для которых наши сегодняшние чувства, стремления, тревоги покажутся незначительными и, может быть, не стоящими внимания.

«Не совсем точно, — думал Огородников над последними словами говорившего. — Здесь его взгляды ограничены. Но вот ранее он сказал, что и в искусстве и в науке есть одно истинное направление — реалистическое отражение бытия. И в этом он действительно прав.

Вагон мерно потряхивало на стыках. Движение убаюкивало.

... — Одни говорят, что мир спасет красота, другие — до-

брота. Я думаю, что мир спасет действенная красота и действенная доброта. Не созерцательная, а действенная.

Сквозь сон Огородников с трудом старался понять: сам ли он думает так или это мысли его спутников.

ГЛАВА 6.

Таня ехала к Огородникову за тем, чтобы окончательно убедиться в его ничтожестве, посмотреть, как он без нее опустился.

«Ходит, небось, в грязных рубашках, мятых штанах, а в комнате черт ногу сломит, — так думала недавняя Жена о своем недавнем Муже. — Юродивый, носится со своей диссертацией, как с писанной торбой и не понимает, что торба его никому не нужна». А чтобы приезд ее был оправдан, она заберет свои оставшиеся вещи. Пусть не думает, что я приехала торжествовать. Я приехала за вещами, за этим жалким барахлом — символом их неудавшейся жизни. Должно быть, валяется на кровати, на грязных простынях, — злоратно рисовала она картину окончательного падения Огородникова, — глаза в потолок и думает. Книги, конечно, на полу. Пол не мыт, и грязные носки посредине комнаты. Ни черта у него не выйдет. Завшивеет и только. Нет, что там ни говори — жалкий человек. Как это я раньше не видела! Думать про него и то противно. Лежит, должно быть, голодный. Леня в магазин сходить и сварить что-нибудь. Впрочем мне-то какое дело! Это, я ему нянькой была, где теперь он найдет такую дуру. — Таня вспомнила Шурика, — Шурик. Да разве можно сравнить их! Шурик уже сейчас имеет для жизни все. Что там говорить! Шурик молодой, а какая хватка! Огородников не способен жить, как все нормальные люди — ну и пусть живет, как знает, а я буду жить, как могу. Кто может упрекнуть меня в этом? И, собственно, почему я должна отказывать себе в праве выбора? Мне представилась возможность сделать выбор между неудачником и нормальным сильным мужиком. Я и выбрала. Иметь возможность выбора — это, между прочим, большое счастье для любого человека. Сущность свободы состоит в свободе выбора, — Таня поймала себя на мысли, что думает по-Огородниковски. — Молодец, похвалила себя, тяжело вздохнув, —

ты молодец, но без тебя он не жилец на этом свете. И, что там не говори, голубушка, как ты себя не оправдывай, все это называется предательством.

А может и нет. Я не признавалась даже себе, но мне с ним было скучновато. Я его больше жалела, чем желала. К Лапину, как к мужику, меня и то сильнее тянуло. Ну вот, наконец-то, открылась. Самка ты — обыкновенная, грязная самка.

Автобус затормозил. Ее остановка. Таня вышла. В общезитии, на вахте, взяла ключ от комнаты. Спросила у вахтерши, не знает ли она, где Огородников. Старая женщина посмотрела на нее брезгливо, ответила, что Огородников уехал, а куда, про то она не знает. Тане стало нестерпимо стыдно. Она подумала:

«Глупо. Как все глупо и какая же я дура».

В комнате был относительный порядок. Она бродила из угла в угол, что-то доставала, что-то клала в чемодан. Потом, подойдя к окну, долго смотрела на березовую рошу.

«Ну, вот и все. Делать мне здесь больше нечего, а жаль, почему-то очень жаль. Но ничего уж не вернуть, не поправить».

Таня не знала толком, что бы такое она хотела вернуть или исправить. И — чего было ей жаль. Но действительно, очень грустно было.

«Да что же это такое, чего я хочу на самом-то деле?» — все спрашивала она себя.

Из этой комнаты вместе с Огородниковым ушла ее, в общем-то счастливая юность. И она ждала возвращения того давнего и щемящего, так стремительно от нее ушедшего. Прошлое дорого нам, и оно крепко держит наше сердце, без боли прошлое не оторвешь. Приди сейчас вот Огородников — она осталась бы с ним.

Таня очень хотела, чтобы Огородников вернулся. И, словно повинувшись ее желанию, дверь комнаты у нее за спиной распахнулась.

«Славка вернулся!» — радостно оборвалось у нее в груди. Она боялась обернуться.

— Татьяна, ты что — уснула? — Таня вздрогнула. Перед ней стоял Лапин. — Ты куда это собралась? — спросил он.

— Лапин! — наконец выдохнула Таня. Она сказала это так, как будто ее обманули бесстыдным образом.

— Где Славка! И что за дурацкие телеграммы о каком-то спасении он шлет? — снова спросил Лапин.

— Я не знаю, где он. Куда-то уехал, — она помолчала, обдумывая — выложить ли все начистоту Лапину. — И вообще мы разошлись? — сердито сказала она.

— Разошлись?! — Лапин остолбенел. — И давно?

— Тебе-то какая разница?

— Есть, есть разница да еще какая, — усмехнулся Лапин, ошупывая фигуру Тани откровенно похотливым взглядом. Тани неприятен был этот взгляд, и она сообразилась уходить.

— Татьяна, подожди. Давай потолкуем, — Лапин закрыл дверь на ключ.

— О чем? — удивленно и нерешительно спросила она.

Почувствовав ее нерешительность, Лапин нервно оглядел комнату, что-то прикидывая в уме. Потом, очевидно, решившись, сказал:

— Так уж и не о чем? Ты же теперь, как бы ничья. И отлично знаешь, что давно не, безразлично мне.

Таня испуганно и удивленно слушала Лапина и не смогла сообразить: о чем он?

— Я знаю, ты баба понятливая и... и... я давно хотел...

Лапин тяжело дышал. Он подхватил Таню на руки. Она начала вырываться. Они оба упали на диван. Лапин, запустив свою руку ей под юбку, ощутил ладонью упругий живот нерожавшей женщины. Таня дико взвизгнула и вонзила зубы в плечо Лапина. Глухо застонав, Лапин выпустил ее.

— Ты что, сука, сдурела? — схватившись за плечо, сквозь зубы процедил он. Таня вскочила с дивана. Бросилась к двери. Долго вертела ключ в замке и не могла открыть дверь, беспомощно дергала за ручку. Подошел Лапин, отстранив ее, открыл дверь, Таня выбежала из комнаты, затем вернулась, схватив чемодан, бросилась назад.

Вдруг, как будто стукнувшись лбом о невидимую стену, остановилась.

— Славка же друг тебе! Как ты мог меня, его жену? — гневно воскликнула она.

Лапин усмехнулся. Он сидел на диване, держась за плечо.

— Так ты теперь вроде как ничья, чего же мне теряться?

— Дурак бессовестный, — только и смогла сказать Таня всхлипнув, она убежала.

Таня сидела в квартире Шурика и плакала. Она плакала от того, что ей было стыдно и еще от того, что ей было жалко себя.

Да, но кто же она теперь? Потаскушка. Сожительница. Угла своего у нее и то сейчас нет.

Она вдруг остро поняла весь ужас случившегося. Открыв чемодан, перебрала нехитрое стиральное белье.

С Огородниковым она прожила бы свою жизнь спокойно. А Шурик — разве он ей опора в жизни?

Перекладывая в чемодане вещички, Таня наткнулась на какие-то листки, исписанные почерком Огородникова. Думая об отвергнутом муже и снова жалея его, она принялась читать.

«...Природа создала человека альтруистом. Убивая его близких, она учила его заботиться о подобных себе, чтобы выжить самому. Учила добру. Дурные поступки — аномалия в поведении человека...»

Таня разрыдалась. Она прижимала к своему лицу эти листки и плакала. Поплакав, она почувствовала себя немного лучше и продолжала чтение:

«Сама по себе Природа не содержит ни добра ни зла. Эти понятия возникают вместе с Человеком. Природа же объединяет две противоборствующие силы — разрушающую и создающую...»

О, как дорог был ей теперь даже почерк его! Таня снова заплакала. Ей было жаль себя, своей неудавшейся жизни. А то, что жизнь ее не удалась, она поняла сейчас окончательно.

— Все, уйду от Шурика и буду жить одна. Я мерзкая, дрянная баба, — сказала вслух Таня, а про себя подумала, что она совсем даже не мерзкая и очень даже не дрянная. Чтобы убедиться в этом, она посмотрела в зеркало и показала язык своей синей физиономии.

— Тебя убить мало, дрянь такую, — сказала она совсем уж неуверенно. — Нет, лучше сниму где-нибудь комнату и заведу собаку. Буду жить тихо. Не стану мучить ни себя, ни других.

Она умылась и решила, что скажет все это Шурику, как только он явится.

Шурик опаздывал с возвращением. Таня сочла это доказательством его пренебрежительного к ней отношения. Но вот он пришел. Не спеша сходил в туалет, в ванную. Таня

здилась: «Бесчувственный болван! Ему наплевать на мое горе».

Увидев заплаканное лицо Тани, Шурик испугался:

— Что такое, что с тобой?

Его испуг был искренен, и Таня уже не столь решительно заявила.

— Я уйду от тебя.

— Что? — закричал он. — Куда?

— Я буду жить одна. Сниму комнату, куплю собаку.

— Собаку?! Какую к черту собаку? — увидев раскрытый чемодан, Шурик вскочил на подоконник, распахнул створки и заявил:

— Я выброшусь из окна, если ты сделаешь хоть шаг из моей квартиры.

— Ах, из твоей! Ну и черт с тобой, прыгай! — Да ведь не прыгнет, — думала Таня, — такая же скотина, как и я, как и все. Я должна уйти, Шурик! — решительно сказала она. — Так будет лучше, так будет справедливо.

Таня захлопнула крышку чемодана.

— Ну вот и все, сейчас уйдет, — решил он. Посмотрев вниз подумал: «Второй этаж. Может, даже не сломаю ничего?» Прыгнул.

Шурик лежал в цветочной клумбе и ждал Таню. Он не сомневался в том, что она придет за ним.

«Чего она там копается? — думал он. — Хорошо еще, что прохожих нет».

Наконец, Таня сбежала вниз, помогла ему подняться. Положила его руку себе на плечи, придерживая за талию, повела в квартиру. Выглянувшая на шум соседка, встревоженно спросила:

— Что такое, что случилось?

— Шурик нечаянно из окна выпал, — ответила Таня.

— А-а. Ну это бывает, — сказала соседка.

Вернувшись в квартиру, Таня закрыла окно, убрала чемодан с бельем, выбросила в мусорное ведро листы, исписанные ее бывшим мужем.

— Таня, ты почему Огородникова бросила? — спросил Шурик, любясь женой.

— Долго объяснять, — ответила она, помолчав. — Да и к чему, пожалуй.

ГЛАВА 7.

Юрий Федорович Усольцев был вне себя от клокотавшей в нем ярости. Это выражалось в том, что он курил сигарету за сигаретой и задумчиво смотрел в кафедральное окно. Из обычного состояния тихой злости на всех его вывели неприятности последнего времени: Во-первых, эта грязная связь его сына с женой Огородникова. Он умолял сына порвать с ней. Ни мольбы его, ни угрозы не действовали. Сын пообещал порвать с ним; и Юрий Федорович сдался. Он боялся потерять сына, забота о котором была смыслом теперешней его жизни. Испугался он и возможного, в связи с этим, громкого скандала, могущего нарушить его покой, которым он дорожил не меньше, чем возможностью заботиться о сыне.

Потом эта драка в общежитии, в комнате Наташи Ивановой. Но для него, Юрия Федоровича, самым опасным было то, что эта грязная история косвенно затрагивала сына, а значит и его. Оказывается, разлюбленный сыночек его состоял в интимной связи с этой Ивановой Натальей, и она была от него беременна. Юрий Федорович ясно представлял себе, как все начнут шептаться за его спиной, делая вид, что сочувствуют ему, на самом деле с удовольствием пересказывая, всякий раз с новыми подробностями, эти сплетни. Временами Юрию Федоровичу казалось, что от всего этого он понемногу сходит с ума. Окончательно лишился покоя после бегства Огородникова.

«Ох, уж этот Огородников! Навязался же он на мою бедную голову. Вот тип. И надо же было судьбе распорядиться таким вот образом».

Юрий Федорович верил в судьбу. Иначе как объяснить появление у него на кафедре Огородникова — сына ненавистного ему соперника юнкосских лет и Дуняшки — первой и последней любви Усольцева-старшего.

...У Юрия Федоровича и его аспиранта Огородникова была общая родина — их деревня. Огородников об этом не знает. Юрий Федорович узнал об этом, просматривая личное дело своего аспиранта. Он всегда помнил ту жизнь. Огородников-старший отнял у него самое дорогое — Дуняшку. Он не забыл этого, и ненависть свою, окрепшую с годами, к тому Огородникову перенес на этого — молодого.

Юрий Федорович рос крепким, красивым мальчишкой. Он

отличался от сверстников тем, что пренебрежительно относился к деревенским мужикам и бабам, к деревенской жизни вообще. За что и был неоднократно бит пацанами. В процессе баталий он отлично выучился драться и ему ничего не стоило отбиться от двух-трех нападающих. Не всегда он мог справиться лишь с одним — Огородниковым. Тот был невзрачен на вид, но верткий и смелый. Подростками они дрались из-за взаимной неприязни, когда же в их отношения вмешалась Дуняшка — дрались из-за нее. Дуняшка — тихая, с большими серыми, полными жалости, глазами всегда жалела Юрку Усольцева, когда он бывал бит Огородниковым. Юрка же злился на нее, на своего обидчика, на весь свет. Копил в себе злобу и мечтал о мести. Юрий Федорович отчетливо помнит ту, последнюю драку.

Они заканчивали школу. В тот год особенно ясно цвела черемуха. Так казалось ему. Он увел Дуняшку на речку. Наломал черемухи, и одурев от сладкого черемухового духа, поцеловал ее в первый раз — сначала робко, а потом страстно, неумело и сильно. Опомнился он от того, что Дуняшка вывернулась из его объятий. Она плакала. Юрий Федорович говорил ей, что любит, увезет ее в город, обещал не обижать. Говорил еще о родственниках, которые им помогут встать на ноги. Они у него денежные. Успокоившись, Дуняшка смотрела на него с тоской и любовью. Потом, когда он умолк, она ответила, что уехать с ним не сможет. Не на кого оставить больную мать и маленькую сестру. Они долго бы еще оставались вместе, да увидели Огородникова. Он был рядом, сидел на берегу речки. Все видел и все слышал. Дуняшка, закрыв лицо ладонями, убежала, а Юрий Федорович бросился на соперника.

Схватка была отчаянная. Сначала дрались кулаками. Сбив казанки в кровь, вывернули колья из огородного тына, хлестались кольями. Потом, отбросив в сторону обломки кольев, сцепившись, упали на землю и катались, хрипя от натуги.

Когда, вконец измотанные, они лежали рядом, окровавленные и грязные, Огородников, собрав последние силы, укусил своего соперника за ногу. Взвыв от боли, Юрка лягнул Огородникова в ухо и тот упал замертво. Усольцев решил, что убил своего противника. Дикий страх пришел на смену

недавней дикой ярости. Он уполз домой отлеживаться на сеновале. Дуняшка выходила Огородникова. Юрка уехал из деревни навсегда.

Изредка до него доходили деревенские новости. Он узнал, что Дуняшка вышла замуж за Огородникова. Это известие он принял, как неизбежное. С годами его прежняя жизнь стала забываться. Образ Дуняшки стерся из памяти, и только школьная фотография, на которой был весь их класс, напоминала ему о ней. Достигнув зрелого возраста, он понял, что жизнь не прощает ошибок, и если еще в молодости не обретишь крепкого стержня, она безжалостно согнет тебя в дугу.

В деревню Юрий Федорович не ездил. Не поехал даже тогда, когда умерла мать, а за ней отец. Их похоронили соседи и родственники. Не был он и на похоронах Дуняшки, ненадолго пережившей своего мужа. Узнав о ее смерти, Юрий Федорович помянул ее, напившись до бесчувствия, хотя до этого почти не употреблял спиртное. Пьяный, он сидел у себя в квартире и плакал, утирая слезы полотенцем. От одиночества и тоски он хотел было повеситься, но не смог, а проспавшись — раздумал. С возрастом он все чаще думал о прожитом. Собственно, все его прошлое было связано с его университетом, в котором он был сначала студентом, затем аспирантом. Став кандидатом наук, возглавил кафедру философии своего университета.

Семейная жизнь у него не сложилась. Женившись на дочери ректора университета, он рассчитывал с помощью тестя сделать карьеру, но тот не разделял взглядов чистолюбивого зятя. Позже, третий инфаркт профессора поставил последнюю точку в их неудавшихся взаимоотношениях.

Жена, умная и красивая женщина, разглядела, что за его гипертрофированными самомнением ничего серьезного не скрывается и ушла от него.

Вместе с сыном она стала жить в квартире умершего отца. Когда же сын вырос, оставила ему квартиру и машину деда, а сама, выйдя замуж за крупного инженера-гидростроителя, уехала на Дальний Восток.

О сыне Юрий Федорович заботился всегда. После отъезда бывшей жены он удвоил заботу о сыне. Но, как вскоре выяснилось, сын мало нуждался в его внимании.

От денег он не отказывался, но в свою жизнь отца не

пускал. Работа Юрию Федоровичу давно уже не приносила удовлетворения. Последнее время он ценил в ней только то состояние покоя, которого ему обеспечивало его должностное положение. Лишь все чаще он брал старую школьную фотографию и смотрел, смотрел на Дуняшку. Иногда он целовал ее большие серые глаза и плакал. Как-то, всматриваясь в лица одноклассников на фотографии, он отшатнулся. На него глядел его аспирант Огородников.

Ему стало плохо от острого предчувствия беды. Просмотрев личное дело аспиранта, Юрий Федорович, убедился, что тот действительно является сыном его давнего врага и Дуняшки. В душе Юрия Федоровича стали бороться противоречивые чувства. С одной стороны, это был сын Дуняшки, и поэтому он был ему дорог. С другой — физиономия аспиранта была точной копией омерзительной физиономии того Огородникова и поэтому внушала отвращение. В конце концов это чувство, а также строптивый характер молодого Огородникова сделали свое дело. Юрий Федорович возненавидел подчиненного. Он перестал интересоваться его диссертацией. Постепенно вызрела мысль освободиться от аспиранта, ставшего невыносимым для него. Юрий Федорович предложил Огородникову перейти в другой университет, обещал помочь. Получил решительный отказ. С помощью московского друга он успешно выполнил задуманное. Но результат получился неожиданным, не совсем желательным и не безопасным для него самого. Вместо того, чтобы все понять и спокойно уйти, Огородников ничего не понял и сбежал неизвестно куда. В очередной раз Юрий Федорович убедился, что плохо знает людей и что их воля, их не поддающиеся его пониманию нелогичные поступки ломают задуманное им. Его интриги против Огородникова-младшего могли стать достоянием гласности. Ко всем свалившимся на него бедам прибавлялась и эта, что грозило окончательно разрушить его спокойную, устоявшуюся жизнь.

После долгих размышлений Юрий Федорович пришел к выводу о необходимости разыскать Огородникова и вернуть его на кафедру. Пребегать к помощи его бывшей жены, теперешней своей невестки, он не захотел. Юрий Федорович решил пойти к Огородникову домой, надеясь найти записку или какой-нибудь другой знак, могущий рассказать о теперешнем местопребывании аспиранта.

Нежилой вид комнаты рассеял слабую надежду Юрия Федоровича. На столе правда, он нашел лежащие в беспорядке, исписанные почерком Огородникова, листки.

Усольцев взял лист и сначала бегло, а потом заинтересованно стал читать.

«...Добро и зло — понятие социальные, придуманные человеком для отражения определенных процессов, возникающих в человеческом обществе между группами людей, организованных затем в классы. Природа эти понятия не содержит. Она объединяет две полярные силы — разрушающую и созидающую. Только эти две силы влияют на процесс эволюции материи, которым управляет случай.

С развитием общественного сознания человека разрушающая сила природы приняла образ зла, поскольку причиняла человеку боль — физическую, либо душевную. Созидаящая сила природы давала человеку плоды, защиту от опасности. Поэтому в его представлении она приняла образ добра. Первичные представления человека о природных силах — создающей и разрушающей как о добре и зле были перенесены на благодатную почву социальных взаимоотношений. В классовом обществе у этих двух понятий окончательно сформировались и форма, и содержание.

«Его диссертация, — подумал Юрий Федорович. Некоторых страниц не хватает, — подосадовал он на неаккуратность аспиранта».

«...Таким образом, — читал он далее. — И в природе и в обществе разрушение предшествует созиданию. Чтобы создать человека, необходимо разрушить у женщины девственную плеву. Но в человеческом обществе в процесс разрушения и созидания вмешиваются чувства. Разрушение девственной плевы может восприниматься женщиной и как добро, и как зло. Все зависит от того, какие чувства она при этом испытывает. Если женщина желает родить ребенка от любимого человека — это добро, если нет — зло.

Насилие над женщиной, как любое насилие над личностью, — порождение классового общества. Создав общество без классов, исключив из человеческих взаимоотношений насилие, человек уничтожит самое понятие добра и зла. Человек будет находиться в подчинении у необходимых, естественно существующих природных сил — создающей и раз-

рушающей. В бесклассовом обществе насилие над личностью, насилие в социальном смысле, исчезнет...»

«Что-то у него здесь не вяжется, — думал Юрий Федорович, — какая-то во всем этом неточность. Допустим, явление добра и зла — порождение классового общества. Допустим так же, что насилие над женщиной, которое сейчас мы расцениваем как преступление, есть порождение того же классового общества, но с исчезновением материальных условий, являющихся предпосылкой любого насилия, исчезнут ли нравственные предпосылки, его порождающие — скудоумие, духовная нищета? Есть ли у него ответ на этот вопрос? — роюсь в бумагах, думал Юрий Федорович. — В главном-то он прав. Ибо в классовом обществе материальная зависимость женщины, ее ограниченность в средствах не позволяет ей избирать, а поправившегося ей мужчины, поскольку у нее нет уверенности — сможет ли она прокормить своего ребенка. Вот тебе и насилие, вот тебе и зло, — так думал Юрий Федорович, покаясь в записях Огородникова. Он нашел то, что искал:

«...С исчезновением классов в корне изменятся не только социальные, но и нравственные отношения людей. Альтруизм свойственен человеку в силу необходимости, которая требует сохранения человека как биологического вида. Необходимость этого заложена в сознании человека природой. Чтобы выжить, люди должны были заботиться друг о друге. Инстинкт этот свойственен человеку любой общественно-экономической формации. Только в обществе насилия он превращается в инструмент насилия. Классовое общество принесло этот элемент социальных отношений — элемент насилия во взаимоотношения мужчины и женщины. С изменением бытия, в бесклассовом обществе, изменятся и оценочные критерии человека. Исчезнут такие понятийные категории как приятный или неприятный человек. Эти понятия являются продуктами деятельности все того же общества насилия. Они однопорядковые с понятиями добра и зла:

Добро и зло — рудименты социальных отношений — исчезнут...»

Вспомнив свою жизнь, Юрий Федорович подумал:

«Отвергнутая любовь порождает страдания. Человеческие страдания — зло. Но любовь вечна. Тогда и зло будет вечным?»

«...Человеческая любовь, — читал Юрий Федорович, — возникшая в обществе равных, исключит всякую возможность страдания. В обществе насилия не любовь причина страданий, а уязвленное чувство собственника, у которого отняли его собственность — женщину. В коммунистическом обществе взаимное уважение благородных людей исключит из отношений мужчины и женщины элемент ревности, а значит и душевные страдания.

Ревность — это чувство собственника, являющееся порождением общества насилия — исчезнет. В обществе равных облагороженная любовь будет вызывать только вдохновение у высоких духом людей...»

«И только-то?» — не поверил Юрий Федорович. Продолжение этой мысли в записях он не нашел.

«...Разрушение постольку предшествует созданию, — продолжал он чтение, — поскольку создание предшествует разрушению. Эта последовательность имеет существенное значение применительно к отдельным пространственно связанным объектам материи, эволюция которых ограничена во времени. Применительно же к бытию материи — единой субстанции — эта последовательность несущественная. Ведь материя не исчезает и не возникает из ничего. Разум — высшая форма в организации материи — так же не может исчезнуть. Это утверждение не относится к человеческому разуму, который является этапом в эволюции разума как формы движения, формы организации материи.

Человечество как совокупный материальный носитель человеческого разума явится основой другой разумной цивилизации. Человек — ступенька в эволюции материального носителя разума. Являясь совокупным носителем разума, человек в своем развитии пройдет несколько этапов. Материя, эволюционируя, неизбежно приходит к созданию живых форм существования. Человек с неизбежностью придет к мысли о замене своего тела — носителя человеческого разума, созданного природой, — носителя недолговечного и ненадежного. Созданный человеческим разумом носитель будет неживым. Данный этап в развитии человека неизбежен, поскольку человек может столько сколько может его наука, создающая на данном этапе неживые материалы.

Но с той же неизбежностью, с какой материя создает живые формы своего бытия, человеческий разум неизбежно

придет к созданию живого своего носителя, на качественно ином, по сравнению с природным уровнем?..

Продолжение мысли Юрий Федорович снова не нашел. Подосадовав на неаккуратность Огородникова, он взял другой лист.

«В мироздании нет ни прошлого, ни будущего. Есть одно состояние — материи движущейся. Говорить о движении мы вправе лишь применительно к отдельным объектам материального мира. Они движутся относительно других, отдельно взятых объектов этого мира. Состояние движения отдельных объектов материи является частным проявлением общего статистического состояния материи.

Материя как единая субстанция, объединяющая отдельные объекты материального мира, ограниченные во времени и пространстве, не имеющая границ во времени и пространстве — статична. Без материи нет ни пространства, ни времени. Поскольку ею заполнено все пространство, все время, то, следовательно, материи некуда разлетаться. Поэтому теория расширяющейся Вселенной — теория большого взрыва А. Фридмана является частной по отношению к общей теории А. Эйнштейна о статической Вселенной, незаслуженно забытой и считающейся неверной. Эйнштейн видел дальше, видел более глубоко, создавая эту свою теорию, чем мы предполагаем. Вселенная существовала и до большого взрыва, в ином состоянии. Она будет существовать и после нового большого взрыва, в том или ином виде.

О расширяющейся Вселенной мы вправе говорить применительно к ее видимой части, исследованной человеческим разумом.

Каким образом ведет себя материя в неисследованной части Вселенной? Неизвестно. Вероятно, большой взрыв характерен не только для нашего, отдельно взятого участка Вселенной.

Это обстоятельство объясняет отсутствие контактов с внеземными разумными формами существования материи. Материя эволюционирует по законам, единым для всей Вселенной. И если в нашей галактике или других галактических системах имеются разумные формы жизни, то находятся они примерно, на одном с нами невысоком уровне развития, в том числе, энергетическом, который еще не позволяет нам общаться.

В отличие от материи — единой, вневременной субстанции, отдельные ее объекты имеют прошлое, настоящее и будущее. В своем развитии они движутся не к небытию, а к иному своему состоянию.

Солнце, всей своей массой двигаясь со скоростью солнца, выделяет в пространство тепло и свет. Солнечный луч света, двигаясь со скоростью света, встречаясь на земле с зеленым листом, начинает двигаться со скоростью химической реакции, образующей хлорофилл. Так и человек, носитель разума, являясь объектом материального мира, движется в своем развитии не к небытию, а к иному своему состоянию, определяемому человеческим разумом...»

На этом очередная запись обрывалась. Юрий Федорович аккуратно сложил листы, постучал краями по столу, выравнявая их. Потом стал медленно рвать листы, задумчиво глядя в окно. Собрав клочки бумаги, — все что осталось от диссертации Огородникова, он, выйдя на улицу, выбросил их в мусорную урну.

Так Юрий Федорович закончил многолетний спор с Огородниковым. Он вышел победителем в этом споре, хотя ясно ощущал всю сомнительность своей победы, всю ее смешную нелепость.

ГЛАВА 8.

Сквозь щели в ставнях пробивались солнечные лучи. В узких лучах света висели мириады пылинок, напоминая бесчисленные звездные миры.

Через открытые двери избы доносилось из ограды кудахтанье призывное петуха и томное — куриц.

«Жизнь — это праздник бытия, а разум — главный распорядитель на этом празднике», — думал Огородников, лежа на деревянной рассохшейся кровати в доме своего деда. Он был укрыт дедовским теплым тулупом. Огородникову было тепло и уютно. Он вдыхал мучной дух ларя, стоявшего в сенях и думал о том, что хорошо бы никуда не уезжать из этой деревни, а остаться здесь жить. Ходить в тайгу с дедом орешничать да белковать.

А еще бы лучше совсем не вылезать из под теплого тулупа, а когда придет зима, умереть тихонько здесь, чтобы

никто об этом не знал и не тревожил бы тебя. Огородникову было до слез жалко себя. Одиночество и тоска, очевидно, надолго станут его спутниками теперь. Горячая влага заполнила его глазницы. Он не прогонял ее

Однако умереть спокойно не позволила Огородникову его шепутная тетка. Она распахнула ставни. Резкий солнечный свет залил избу. Увидев, что Огородников все еще лежит в постели, она закричала удивленно:

— Ты че валяешься до сих пор! Не велик чин. Вставай, сходи по воду, напой корову.

Огородников встал. Он знал, что с теткой спорить бесполезно. Еще обругает нецензурно и нарушит его душевный настрой, а ему хотелось сохранить его подольше.

— А дед где? — спросил он.

— Черти гдей-то носят, — ругнулась тетка в ответ.

Огородников вышел на крыльцо. С удовольствием потянулся, бегом бросился к реке. Октябрь был теплым, сухим. Впервые, спустя многие дни, ему стало радостно. Печаль ушла. Душу распирало предчувствие счастья. Природа плеснула ему в глаза голубым.

Голубое небо сливалось с голубой тайгой и такой же голубой рекой. Весь мир был по-летнему голубым. И только возвращаясь с реки, он разглядел, что огороды убрали и в них одиноко белели кочаны капусты, да тоскливо торчали черные будылья подсолнухов.

Деревня его детства стала маленькой. И не от того, что он вырос, а потому, что люди давно уже стали покидать ее и ничто не могло удержать их здесь.

Когда Огородников в очередной раз поднимался на крыльцо с полными ведрами воды из сеней, ему навстречу вышел дед — еще крепкий, невысокого роста, густоволосый и голубоглазый старик.

— Ты, дед, где ходишь ни свет ни заря? — спросил Огородников.

— Мир Славка, проведал, — ответил дед.

— Ну и как он?

— А ниче — стоит, слава Богу.

Из глубины дома тетка позвала их завтракать.

— Айда, Славка, разговеемся, покуда зовет, — сказал дед.

— Этта можна, — в тон ему ответил Огородников.

За завтраком тетка спросила у деда, куда он ходил.

— К управу. Коля просил в тайгу. Провиант завозить.

— Ну и как?

— Не дал. Придется на себе чалить, — дед помолчал, пережевывая. — Да вот Славка и поможет.

Тетка, с сомнением посмотрев на хлипкого помощника, сказала:

— Может, Ивана из города телеграммой вызвать. Он и поможет.

— Можно и Ивана, — согласился дед.

— Как он там, Иван-то? — спросил Огородников у тетки.

— Да ниче, — ответила она. — На большой машине шофером, по три сотни зарабатывает.

— Присылает небось? — поинтересовался Огородников, которому было немного стыдно из-за своего равнодушия к двоюродному брату, с которым он живет в одном городе, но так и не встретился.

— Держи карман шире, — ответила тетка сердито, — дождешься от них. Из дома сумками чалить — это они знают. Нет, чтоб матери помочь.

— Цыть, — оборвал ее дед, — детям пожалела. Для детей и живешь. Да ты, Славка, ее не слушай. У нас все есть.

Куда его — добро-то? В могилу?

Огородников решил сходить на кладбище, на могилы родителей? Он был у них по приезду, теперь надумал сходить попрощаться. Когда еще удастся? День был теплый. Бабье лето, умирая, баловало людей.

Огородников сидел меж могильных холмиков, гостил у родителей, и они его встречали неярким солнцем, голубым небом и теплой землей. Большого ему нечего было желать. Он прилег, прижавшись к теплой земле. Забылся.

Сквозь сон чувствовал, как ласковая рука матери гладит его щеку. Он проснулся, но продолжал лежать, прижавшись щекой к теплой земле, которую принял в забытии на ласковую ладонь матери. Долго без людей Огородников оставаться не мог. Он возвратился в деревню. Единственная ее улица была пустынна. Вид заброшенной маленькой деревни вызвал в душе Огородникова глухую тоску.

«Куда бежать, где выход? — думал он. — Все-то я делаю нелепо, живу как-то не по-людски».

Он увидел на лавочке около своего дома, теткинго соседа, деда Николая. Дед был в валенках и шубе. Меж колен

держал клюшку и слушал, как бранилась его старуха и тетка Огородникова, Наталья.

— Славка, — окликнул Огородникова дед Николай, — посиди со мной. — Дед подвинулся на лавочке.

— Отца с матерью проведаль? — спросил он.

— Проведаль, — ответил Огородников.

— Домой не ходи покуда — бабы лаютя.

— Чего они? — прислушиваясь к злым женским голосам, спросил Огородников.

— А из-за петуха. Тетке твоей не нравится, что наш петух ее кур топчет. Грозится башку ему свернуть...

— Да какая же в том разница, чей петух кур топчет! Яйца-то куры домой несут.

— Ну как же! Твоя тетка кричит, что ее куры честные, своё петуха имеют, а наш потаскун. А моя старая дура отвечает, что у кур Натальиных, так же, как у нее самой, совести нет. Вот такое получается дело. И скажи ты на милость, что за вредное семя эти бабы. Лаються из-за кажинной мелочи и нет с ними сладу.

Дед посидел молча, глядя в землю.

— И заметь еще, Славка, — вдруг сказал он, — чем меньше деревня, чем в ней меньше народу, тем народ злее. Делить, кажись, нече, а мир не берет. Отчего бы это?

— От скуки, не иначе, — ответил Огородников. Он подумал: тоже свои проблемы, свои заботы. Для тетки его, Натальи, ничего нет важнее, чем защитить честь своих кур, так же, как для него, Огородникова, диссертацию. Его желание в глазах других людей выглядит, возможно, так же смешно.

Жизнь мало обращает внимание на маленькие проблемы отдельных людей. Чей-то петух всегда будет топтать чужих кур, не требуя на то у хозяина этих кур разрешения, справедливо полагая своим петушинным умом, что все куры-птицы. Хозяин же этих кур будет жить так, как считает нужным он сам, не спрашивая у него, Огородникова, совета.

Так вот и все человечество найдет со временем единственно правильную линию жизни, составленную из векторов желаний отдельных людей. И когда нечем будет жить, отыщет оно достойную разума человеческого пищу.

— Вот ты говоришь: от скуки. А на что же тогда телевизор-то, Славка? — уходя услышал Огородников.

А еще, думал он, — наука по мере своего развития най-

дет ответ на очень важный, может быть самый главный, вопрос: что есть человек? Аппендикс ли он в теле мироздания или его венец?

Тяжело груженные Огородников и дед третьи сутки шли по тайге. Слабому здоровьем Огородникову с большим трудом давался этот путь. Они то карабкались на хребты, то спускались в распадки, переходили вброд ручьи и мелкие речки, переваливали через колоды спиленных людьми и не вывезенных из тайги деревьев. И лишь когда изнемогающий Огородников падал, не в силах далее тащить давящий вьюк, — только тогда дед объявлял перекур. Огородников подолгу лежал под грузом, отдыхая: потом, с трудом освобождаясь от него, шел помогать деду с костром и варевом.

Как-то, уставшие до крайности, путники вышли к склону хребта, сплошь заваленному стволами спиленных деревьев.

— Что это, дед? — спросил Огородников, показывая на склон.

— А леспромхоз, разъязви его душу, не вывез, — свалил и бросил, гниет дерево.

Бессильная злоба на людей захлестнула сердце Огородникова. Сотни, десятки сотен ядренных, зрелых кедровых стволов должны были сгнить. Это деревья, полные жизни, могли бы плодоносить, кормить птицу и зверя. Человек же уготовил им незавидную участь превратиться со временем в навоз, удобрить каменистую таежную почву, — чтобы произрос на этой почве сорный кустарник, в зарослях которого будет гулять шальной ветер, куда не заглянет ни зверь, ни птица.

Грядет расплата. Отрезвление наступит. Не поздно бы только.

Огородников тяжело вздохнул.

«Да только ли одна тайга! Безхозяйственность, это ржа, разъедающая экономику, по сути своей, глубоко безнравственна. Как там у Ожегова, дай Бог памяти: «Безхозяйственный — неумеющий вести хозяйство, нарушающий интересы хозяйства».

А ведь словарь Даля не знал этого слова. Далеко, однако мы шагнули в словотворчестве!»

Дед позвал Огородникова привалить комлями две сухары для костра.

«Да кто же виноват-то? Человек! — лесина была тяжелой. — Просветительством, друг любезный, хотя бы просветительством надо заниматься, — крикнул он опуская комель, — денно и ночью. Мы же забыли про эту извечную обязанность русской интеллигенции. А человек темен. Ох, как темен все еще человек наш, несмотря на всеобщую грамотность.»

Огородников сплюнул досадуя на темного человека. Дед понял его:

— Нет у нас хозяина, Славка — это правда. И справедливости в людях тоже ты нет. У нас все больше тех, кто под себя гребет, а кто для всех старается — таких мало. Я, Славка, всегда удивляюсь народу нашему, — сказал дед, глядя на огонь костра. — Если брать его весь, гамузом, это же ты сила неборимая, а ежели смотреть каждого, в отдельности, мало хорошего увидишь. Мелкие душонки у людей. Отчего бы это Славка, а?

— Из-за наличия отрицательного я-качества, — ответил Огородников.

— А, понятно ты, — кивнул дед.

— Ну, дед, ты даешь, — улыбнулся Огородников. Ему было хорошо с дедом.

К далекой охотничьей избушке, как это было ни странно, Огородников пришел окрепшим.

— Ну вот, Славка, мы и дома, — сказал дед. Он сбросил у порога свою поклажу, расправил плечи, свободно вздохнул, обошел по-хозяйски избушку, намечая для себя, что в ней следует поправить. Отворив дверь, зашел в темное нутро заброшенного жилища.

Вскоре в печи затрепетал огонь. Огородников смотрел на игру пламени и думал о том, что огонь — энергия вечности — тем, очевидно, и поражает человеческое воображение, что напоминает нам о мимолетности человеческого существования. Но какую же глупость совершил он! Бросил свое дело — единственное, что оправдывало его существование. Что, собственно, случилось? Ну, ушла жена — не смертельно. Ну покритиковали его работу — поправимо. Кстати, где же он оставил диссертацию? Вспоминал и не мог вспомнить. Сердце его тревожно сжалось.

— Ну что, Славка? — прервал течение его мысли дед, — отудобел душой-то ты, аль нет?

Огородников не ответил.

— Вот отдохнем денек и айдать назад в деревню. Один-то, небось, заблудишься, не найдешь дорогу один-то?

— Не найду, — сказал он, но, вспомнив о диссертации, добавил. — А впрочем, не знаю.

На следующий день еловый сук, воткнутый в угол избушки, опустил свой рог. Дед посмотрел на него, держась за поясницу, крикнул недовольно.

— Что, дед, к непогоде? — спросил Огородников.

— Снег, язви его, собирается.

Огородников не поверил. Было тепло и тихо.

Ночью Огородникову приснились родители. Себя он видел голым, и ему было стыдно перед матерью. Она тихо плакала. Отец звал его с собой. Огородников не хотел идти, тогда отец взял его за руку и повел куда-то, а мать все плакала молча.

У Огородникова остро кольнуло сердце, и он проснулся. В темноте стонал дед. За стеной творилось что-то невообразимое. Ревел ветер. Он сотрясал стены, бросая клочья снега в тусклое стекло окна. Огородников зажег свечу, спросил у деда, что с ним.

— Спина, язви ее в душу, разболелась — сил нет. Не могу подняться,

— Лежи, зачем тебе подниматься, — сказал Огородников.

Он задул свечу и лег на свою постель под дедовы стоны. И тут на него навалилась тоска. Та давняя, полузабытая, мохнатая, толкающая его на необдуманные поступки. Его диссертация! С ней беда. Ее надо спасать. Была бы возможность вернуться в университет сейчас, он не стал бы раздумывать. Ночью это сделать было нельзя. Он решил ждать утро.

К утру буран утих. Деду стало лучше. Огородников собрался, несмотря, на протесты деда, идти.

— Обожди, покуда встану, — не долго ведь.

Огородников молча собирался.

— Охолони дурь-то свою, не сумашествуй. Ведь пропадешь, внучек.

— Не могу, деда, — Огородников назвал его так, как называл когда-то в детстве, — не могу сидеть здесь весны дожидаться. Сдохну. Надо идти.

— Да что же ты, Славка, делаешь со мной Сам в могилу лезешь и меня за собой тянешь.

Солнце освещало белую тайгу, недавно еще мрачную, теперь нарядную, праздничную. Идти было трудно. Снег выпал, глубоким, рыхлым. Было тепло и тихо. Лишь иногда ветки деревьев, пружинно расправляясь, сбрасывали тяжелый груз.

Снег был ярким и казался театральной декорацией, которую должны заменить в следующем акте. Огородников шел уверенно, по знакомым ориентирам.

К вечеру подул ветер. Белые тяжелые тучи снова затянули небо. Пошел снег. Крупные белые хлопья лепили маску с лица Огородникова. На расстоянии вытянутой руки белый свет застилала белесая мгла. Он не то, чтобы испугался — испугаться он еще не успел, ему стало жутко. Он оказался в плену снежной пурги и растерялся, плохо понимая, — куда и зачем идет. Снег, не переставая, лепил ему лицо. Огородников отчаянно пробирался сквозь плотный занавес, все более запутываясь в нем. Он не чувствовал холода. В борьбе со стихией тело его, разгоряченное, окрепшее, давало его душе малую надежду на благополучный исход, хотя слепая и безжалостная природа давила маленького, хрупкого человека тысячами тонн снежной массы, отнимая у него даже этот призрак надежды.

Огородников не поддавался панике. Он говорил себе:

— Природа безжалостна. И она права. Жалость развращает. Буду безжалостен к себе. В этом мое спасение. Сейчас я иду потому, что так хочу я — свободный человек, имеющий право выбора.

Огородников оступился и полетел головой вниз в какую-то яму. От удара при падении, у него внутри что-то хрустнуло. В яме было темно и тихо. Встать не хотелось.

«Да и зачем? — думал Огородников. — Я же свободный человек. Имею законное право выбора. Яма эта — вполне приличная и удобная могила».

Немного отлежавшись, он вылез из своей удобной могилы. Снег все падал и падал. Стало совсем темно. Ветер крутил снежные вихри. Огородников не знал, куда идти, но двигаться было необходимо. Иначе — смерть.

Сейчас впервые он осязаемо понял, что означают слова: «Движение — это жизнь». Если теперь он остановится, —

умрет. Он шел, а точнее, плыл против тугих снежных струй. Мозг постепенно утрачивал способность ясно осознавать происходящее.

«Может быть, это все гигантское театральное представление с бураном, а я в нем актер. Сейчас вот скоро опустится занавес и кончится этот кошмар.»

Маленький, беззащитный человек мужественно сопротивлялся стихии, которая была неизмеримо сильнее его.

Наконец он упал, но упал он только после того, как движение перестало согревать его тело, а мысль — его сознание.

Поздно ночью буран утих. Мутная пелена, закрывавшая небо, начала медленно расплзаться, и первая звездочка робко мигнула в прореху туч.

После бурана ударил мороз.

ЭПИЛОГ

Минуло год. Не очень большой срок и в жизни людей, а для Вселенной — так и вовсе миг. Но и за это время произошли некоторые изменения.

Усольцев Юрий Федорович вынужден был передать другому руководство кафедрой в университете. Он серьезно подумывал о перемене места работы. И, может быть, и жителя.

У Шурика Усольцева и его жены Тани, бывшей Огородниковой, родился сын. Таня назвала его Славкой, хотя Шурик был против.

Огородникова Вячеслава Михайловича похоронили на маленьком кладбище, в его родной деревеньке. Тогда, в тайге, его нашел дед. Труп Огородникова припорошенный снегом, лежал в сотне метров от таежного жилища — головой в направлении этой, подсознательной цели.

Могилу Огородникова украшает большая гранитная плита, приобретенная на средства, собранные студентами, и деньги Лапина.

На плите выгравированы слова:

«Вячеслав Огородников. Человек, сделавший попытку понять Вселенную.»

Эта нарядная гранитная плита странно выглядит в обществе деревянных, почерневших от времени, покосившихся крестов на деревенском кладбище.

Редкие люди, приходящие сюда, с любопытством осматривают могилу. Однако любопытствуют они недолго. У каждого свои мысли, свои заботы в этом мире, загадку которого хотел разрешить аспирант Вячеслав Огородников.

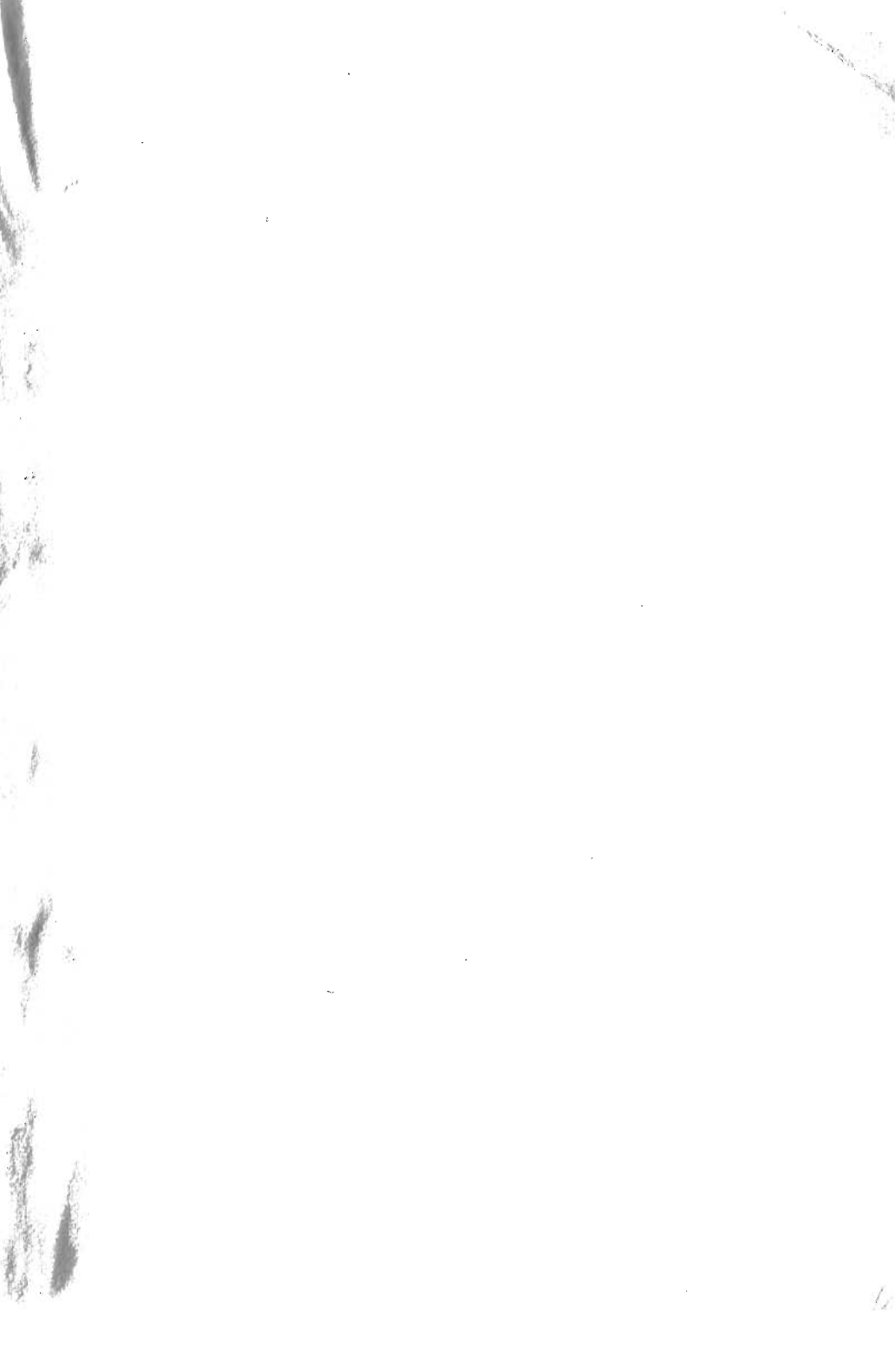
СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	28
Глава четвертая	47
Глава пятая	54
Глава шестая	58
Глава седьмая	63
Глава восьмая	72
ЭПИЛОГ	82

Литературно-художественное издание
Николай МАМАЕВ
Редактор **В. М. Ширяев**
Технический редактор **Н. В. Сидоркин**
Корректор **Г. В. Зорина**

Сдано в набор 1.XII.1994 г. Подписано к печати 6.04.95 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать высокая. Печ.
л. 5,25. Тираж 1000 экз. Заказ 47. Цена договорная. Из-
дательство «Сибирский родник», 650099 г. Кемерово, Со-
ветский пр., 40.

Отпечатано в Березовской типографии. 652430, г. Бере-
зовский, Кемеровская обл., ул. Мира, 38.

Секрет.

**Новинки Союза
писателей Кузбасса**